

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им.А.И.ГЕРЦЕНА»

ВОЛХОВСКИЙ ФИЛИАЛ

Кафедра гуманитарных дисциплин
Кафедра иностранных языков

СОЦИУМ. СОЗНАНИЕ. ЯЗЫК

Материалы второго научно-теоретического семинара на тему:

МОДУСЫ РЕАЛЬНОСТИ

29 октября 2010 года

Санкт-Петербург 2011

Редакционная коллегия:

д.пед.н, проф. В.Б. Ежелевко, д.филос.н., доц. А.П.Фомин,
к.ф.н., доцент С.Г.Филиппова

Социум. Сознание. Язык: Материалы второго научно-теоретического семинара на тему «Модусы реальности». – Санкт-Петербург: _____, 2011. – _____ с.

Материалы междисциплинарного научно-теоретического семинара касаются важной научной проблемы соотношения объективной и субъективной реальностей. Использование в научном дискурсе с термином «реальность» таких предикатов, как «культурная», «языковая», «виртуальная», «физическая» и др. определенно смещает указанную проблему в поле междисциплинарных дискуссий. Наладить такой междисциплинарный диалог и стало задачей сборника.

Для студентов, аспирантов, преподавателей, научных работников и всех, интересующихся проблемой реальности.

ПРОГРАММА СЕМИНАРА

Открытие семинара. Вступительное слово зав. кафедрой гуманитарных дисциплин **А.П.Фомина**.

Критика по материалам первого семинара на тему «Знак и символ в философии культуры и лингвистике»

Фомин А.П. Философская категория реальности: современные аспекты.

Ежеленко В.Б. Педагогическая реальность.

Филиппова С.Г. Реальность художественного текста.

Рогожникова В.Н. Медиареальность: основные проблемы.

Болотина Ю.П. Восприятие межкультурной реальности.

Карелин Н.С. Понятие культуры в культурологии.

Туманов С.О. Вовлеченность в виртуальную реальность.

Стратонников А.Г. Об объективности нашего знания о природе и об объективности науки (К вопросу о понятии физической реальности)

Заключительный обмен мнениями и пожелания на следующий семинар.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО А.П.Фомина

Уважаемые коллеги – преподаватели, аспиранты и студенты. Сегодня мы проводим второй научно-теоретический семинар под общим названием «СОЦИУМ. СОЗНАНИЕ. ЯЗЫК» на тему «МОДУСЫ РЕАЛЬНОСТИ». Разрешите в своем вступительном слове кратко напомнить общие результаты нашего первого семинара и тезисно сформулировать общие задачи сегодняшнего семинара, как мы их видим.

Первый семинар прошел 24 марта этого года под названием «Знак и символ в философии культуры и лингвистике: по трудам Э.Кассирера и М.В.Никитина». Согласно регистрационному листу, в нем приняли участие 26 человек, в том числе 9 преподавателей и 17 студентов. На семинаре было два научных доклада: «Эрнст Кассирер в поисках смыслов», который сделал ваш покорный слуга, и «Знак и текст в семиотическом и лингвистическом аспектах», сделанный к.филол.н. Светланой Геннадьевной Филипповой. А также прозвучало очень полезное информационное выступление к.филол.н. Юлии Петровны Болотиной о Михаиле Васильевиче Никитине.

По результатам докладов и выступления состоялся некоторый обмен мнениями: были заданы вопросы, прозвучали ответы. Все было довольно живо и воспринималось участниками, как преподавателями так и студентами, с интересом. Это действительно был наш первый опыт межкафедрального научно-теоретического семинара, задачей которого стало формирование коммуникативной научной среды на конкретном научном материале.

К сожалению, к сегодняшнему семинару мы не смогли издать материалы IX Герценовских чтений, в которые было решено включить и материалы нашего первого семинара. Но сборник Герценовских чтений на подходе. Надеемся его увидеть до Нового года. Мы, таким образом, можем констатировать, что свою задачу начала формирования коммуникативной научной среды в филиале первый семинар выполнил.

Как мы видим эту коммуникативную научную среду в филиале? Она лучше всего, на наш взгляд, отражена в противопоставлении понятия ДИАЛОГ понятию ДИСКУРС. Современный научный дискурс, к сожалению, часто представляет из себя говорение всеми сразу без какого бы то ни было намека на слушание, а тем более – на оппонирование, критику, анализ, компаративистику и т.д. В особенности это касается гуманитарных наук в силу их предметной разобщенности и многошкольности. Забытым оказывается древнее понятие ДИАЛОГ.

Существенное различие диалога от дискурса, на наш взгляд, – в наличии в диалоге смысловых связей и развития мысли. Диалог предполагает восстановление самой *ткани* научной гуманитарной мысли. Здесь вспоминается этимология слова «текст», его

коренная связь со словом «текстиль», «ткань». А значит можно говорить об истине, о *знании*, а не просто об обмене *мнениями*. Диалог предполагает мировоззренческие дискуссии, что тоже есть создание научного *текста* в широком смысле этого понятия – как коммуникативной среды науки.

Исходя из такой методологической установки мы и построили наш второй семинар. Его «тканью» и *текстом* будет уже не три выступления, а восемь. Но дело не в количестве, а в содержании. Выступления содержательно связаны между собой не только внешне – словом «реальность», но и внутренне. Эта внутренняя связь обусловлена мировоззренческим характером самой категории «реальность».

Не скрою, мы рискуем. Во-первых, тем, что заявили сразу восемь выступлений, из которых ни одно не является второстепенным и незначительным. Потому прошу соблюдать регламент: доктора наук 15-20 минут, кандидаты наук – до 15 минут, остальные – до 10 минут. Плюс по пять минут на вопросы по докладу. При таком регламенте мы должны сделать перерыв на кофе-брейк в 12.30, в 13.00 продолжить работу и в 14.30 закончить ее.

Но есть и вторая трудность в нашем семинаре, более существенная – это его междисциплинарность. Для преодоления этой трудности и для того, чтобы сделать нашу встречу не дискурсом, а диалогом мы вводим два правила, которых и будем придерживаться впредь. Во-первых, мы намерены печатать в отдельном сборнике не только ваши статьи в объеме до 1 п.л., но всю стенограмму нашего научного собрания. Для этих целей у нас есть секретарь – Мокрова Татьяна Германовна.

КРИТИКА ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРВОГО СЕМИНАРА «ЗНАК И СИМВОЛ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ И ЛИНГВИСТИКЕ (ПО РАБОТАМ ЭРНЕСТА КАССИРЕРА И М.В.НИКИТИНА)»

Филиппова С.Г. Критика на статью А.П.Фомина «Эрнст Кассирер в поисках смыслов».

Возвращаясь к теме предыдущего семинара, где рассматривалась проблема соотношения знака и символа, следует отметить неоднозначность трактовки обоих понятий и правомерность их разграничения. Э. Кассирер справедливо видит в символическом процессе «единый поток жизни и мышления, пронизывающем наше сознание». Человек живет не только в физическом универсуме, но и в символическом универсуме.

Символизация характерна для всех форм духовного творчества и связывается в первую очередь с искусством, важнейшая функция которого – эстетическая. Знак и символ не противопоставляются друг другу, а соотносятся как общее и частное. Символ – всегда знак, но знаку не обязательно быть символом, при этом не следует приуменьшать несимволическую, номинативную функцию языкового знака. «Язык – не инструмент, языковые знаки – не этикетки», однако, язык выполняет в первую очередь коммуникативно-прагматическую функцию, в обычной коммуникации выступая именно транслятором информации. Мы знаем, что при изучении и использовании иностранного языка, в частности, человеку нужны именно эквивалентные «этикетки» для достижения коммуникативных целей.

В символе можно увидеть знак с вторичной номинацией. Так, Ю.М. Лотман, усматривает семиотические объекты во всех видах искусств. Построенные по типу языков, такие объекты, по мнению Лотмана, являются «вторичными моделирующими системами». Искусство может быть описано как некий вторичный (символический) язык, а произведение искусства – как текст на этом языке [2,16].

Идея о том, что знак – носитель информации, а символ – смысла не представляется бесспорной. Языковой знак условен, его сущность – единство формы и значения (концепта, смысла). В лингвистике часто принято отождествление смысла с концептом –

оперативной единицей человеческого сознания, единицей картины мира. При изучении текста смысл понимается как актуализированное значение языковых единиц. Оперирование понятием смысла особенно важно при его несоответствии узальному значению языковой единицы, в этом случае говорят об окказиональных, личностных смыслах, о приращении смыслов.

На наш взгляд, не следует преувеличивать влияние языка на мировидение (концепция Гумбольта о языковом мировидении). Знания о мире в подавляющей своей части получены человеком через посредство языка. Если бы язык задавал особое мировидение, то следовало бы с ходом времени ожидать увеличение разнообразия в представлениях об устройстве мира у разноязычных народов. Этого не происходит, скорее наоборот – происходит выравнивание в знаниях о мире, по крайней мере, физическом.

По мнению А. Вежбицкой, общая понятийная база объединяет различные культуры и общества. Если бы такая общая база не существовала, различные понятийные миры, связанные с различными языками, были бы взаимонепроницаемы. С наличием общей понятийной базы связано психологическое единство человечества и принципиальная возможность выразить на одном языке все то, что может быть выражено на другом. Различия между культурными группами людей основываются не на наличии некоторых базовых понятий у одной культурной группы и отсутствии их у другой, а на том, как эти понятия используются. Значительные различия между культурами связаны с масштабами использования определенных базовых понятий, т.е. если определенное понятие меньше используется в той или другой культуре, это не означает, что оно в этой культуре полностью отсутствует. Универсальный набор общих понятий, на которых основываются человеческий язык, мышление и культура, обозначается семантическими и лексическими универсалиями. Универсальные понятия, которые представляют собой интуитивно понятные и сами себя объясняющие неопределимые элементы, А. Вежбицкая называет семантическими примитивами, составляющими «истинный алфавит человеческих мыслей» [1,320 – 330].

Более того, язык вынужден подстраиваться под мышление. Не существует изоморфизма между языковой формой и смыслами. Эксплицитные языковые значения дополняются и модифицируются за счет домысливаемых имплицитных смыслов, поэтому картина мира в сознании оказывается более богатой и иной сравнительно с буквальным значением языковых выражений.

В заключение, хочется встать на защиту жанра фэнтези, обвиняемого в создании искусственного мира и искусственного сознания. Этот жанр принято причислять к разновидности фантастики, и здесь нет никакой подмены понятий. Литературные жанры, как и литературные направления и течения, модифицируются и сменяют друг друга в естественном историческом процессе, по мере изменения общества, среды, приоритетов. Как раз в связи с изменением последних в последние десятилетия следует связывать популярность жанра фэнтези. Человека стало больше интересовать человек, а не научные достижения, и, соответственно, появились новые эстетические потребности. Фикциональный же мир фэнтези тем не менее обусловлен миром реальным и нашим оценочным к нему отношением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Язык, культура и познание. М.: Русские словари, 1997.
2. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.

Вопрос А.П.Фомина: (вспомню позже)

Фомин А.П. Критические замечания на статью С.Г.Филипповой «Знак и текст в семиотическом и лингвистическом аспектах».

Под «значением» знака мы понимаем некоторую часть объективной реальности, обозначаемую знаком. В этом мы не противоречим Никитину, который пишет: «Значение являет себя повсюду и ежечасно в деятельности, поведении и реакциях живых систем. Однако, знаковая ситуация – ситуация семиотическая, основанная на условных символах».

Потому утверждение М.В. Никитина, которое цитирует С.Г. «нет знака без значения, но обратное неверно» в философии представляется тривиальным. Очевидно, что знак как представитель, заместитель, «репрезентант» вполне реального множества всегда имеет значение, то есть то множество, которое он обозначает. Вместе с тем не все явления действительности, не все множества поименованы и «обозначены», что тоже очевидно.

Проблема «возможности или невозможности отождествления понятий «знак» и «значение»» кажется нам, таким образом, искусственной: значение – это часть объективной реальности, а знак – это ее представитель, заместитель, «репрезентант» (Кассирер). Это нетождественные вещи. А потому семиотика права, разделяя все вещи на означаемые и означающие. Именно эта точка зрения Пирса, которую критикует Никитин, и кажется нам правильной. И «символическая» концепция культуры Э.Кассирера представляется нам вполне адекватной концепцией, но только не доведенной до своего логического конца. Как мы уже писали в статье «Эрнест Кассирер в поисках смыслов» первого семинара, Кассирер остановился на полпути, не выходя за рамки кантианства.

Мы же согласны с теми авторами, которые расширяют символическую концепцию культуры, считая символами весь предметный универсум. В соответствии с ней все предметы и явления человеческой культуры имеют символическую природу, то есть являются «знаками» множеств. (Здесь мы пока абстрагируемся от разницы понятий «знак» и «символ»). Но не только культура, а и природа символична. О чем говорит дальше классификация знаков Пирса, приводимая С.Г. Однако символизм, «знаковость» природы может получить действительность только в культуре.

И здесь мы согласны с С.Г. и с Никитиным, когда из трех типов знаков: Знаки-иконы, Знаки-индексы и Знаки-символы – говорится об особом значении третьих, которые и являются лингвистическими и носят конвенциональный характер. Напомним их важные функции: 1) способность формирования абстрактно-обобщающего сознания; 2) коммуникативная функция; 3) качество интенциональности. Нет возражений.

Затем утверждается совершенно справедливо, что «условный знак не ограничивается знаком лингвистическим. Изучение различных знаковых систем – основная задача семиотики. Безусловным достижением семиотики представляется семиотическая теория культуры, основным постулатом которой выступает положение о культуре как системе знаков».

Как пример – приводится концепция Ю.М. Лотмана. Но что мы встречаем в концепции Лотмана? Основной составляющей «семиосферы» является... искусство. И семиотическая теория культуры, согласно которой культура есть текст в широком смысле в результате предлагает нам читать в этом «тексте» только художественную составляющую. В лучшем смысле сюда, в этот текст, включается что-то этническое, причем опять же в некоей художественной форме, в форме фольклора. Культура таким образом предстает перед нами в правополушарных образах неких мифов. Создается миф о разных этнических культурах, национальных культурах и поддерживается этот миф очень активно.

Конечно закономерным результатом развития такого «художественного» видения мира является интертекстуальность.

Дурная сторона этой проблемы видится нам в следующем. При встрече двух художественных воображений, при встрече двух правых полушарий всегда рождается что-

то третье. А потом при встрече с первого правого полушария с третьим рождается что-то четвертое, а при встрече второго правого полушария с третьим рождается что-то пятое, и так далее до бесконечности.

Закономерной и симптоматичной представляется опора на теорию интертекстуальности, основанную на идее М.М. Бахтина о диалогическом характере художественного текста и шире – диалогическом характере человеческого понимания. Только и диалог Бахтин понимает в дурном плюралистическом духе – как бесконечное взаимодействие двух правых полушарий. Истины нет, объективной тенденции нет, все субъективно, все – перманентное творчество. В этом смысл знаменитого спора Аверинцева с Бахтиным.

Продуктивная же сторона проблемы интертекстуальности видится нам в том, о чем писала Арнольд, на что и ссылается С.Г.: «Межтекстовые связи привлекают внимание ученых благодаря тому, что они основываются на непрерывности историко-литературного процесса. Интертекстуальность включает текст в культурный контекст, т.е. представляет собой единую цепь культурного общения человечества, звеньями которой оказываются отдельные тексты».

Но тогда и надо рассматривать художественные тексты в культурном, конкретно-историческом контексте! И тогда мы должны не только признать, но и учитывать в своем анализе, что культура включает в себя весь комплекс материальной и духовной жизни общества. А если говорить о духовной составляющей, то весь комплекс сфер общественного сознания: не только искусство, но и политическое сознание, и научное сознание, и мораль, и правовое сознание. О чем и пишет С.Г., отмечая, что «В теории интертекстуальности, подобно теории текста и знака, прослеживаются семиотический и лингвистический подходы. Семиотический подход к интертекстуальности расширяет бахтинскую трактовку диалогичности, ограниченную вербализированным диалогом, и заставляет осмысливать интертекстуальность в широком семиотическом смысле».

Но «эстетика постмодернизма гипертрофировала понятие текста» настолько, что все стало текстом. Однако само понятие «текста», как нам кажется, по-прежнему трактуется в этой широкой семиотической парадигме слишком узко, по-лингвистически. И правильно совершенно С.Г. отмечает, что как семиотиков, так и лингвистов интересует прежде всего связь между символом (означающим) и интерпретантой (означаемым). То есть связь между субъективной и объективной реальностью.

ДОКЛАДЫ И ДИСКУССИЯ

Фомин А.П. Философская категория реальности: современные аспекты

В философии понятие РЕАЛЬНОСТЬ означает «существующее в действительности» и употребляется в двух смыслах: 1) объективная реальность в ее противопоставлении субъективной реальности; 2) все существующее, то есть материальный мир и все его идеальные продукты [4;572].

Такая неясность в определении как следствие фундаментальности определяемого понятия преодолевается затем в парных понятиях *бытие* и *сознание*, *возможность* и *действительность*, *объективная реальность* и *субъективная реальность*.

В первой паре категорий раскрывается внутренняя диалектика *понятий*. «БЫТИЕ есть философская категория, обозначающая реальность, существующую объективно, вне и независимо от сознания человека» [4; 69]. «СОЗНАНИЕ – это одно из основных понятий философии, психологии и социологии, обозначающее высший уровень психической активности человека как социального существа» [4;622].

Ясно, что разделение этих категорий есть лишь научный прием. В реальности, в той самой реальности, с которой мы и начали, бытие включает в себя сознание, которое является частью бытия, притом весьма существенной частью, если не его сущностью. Древние употребляли такие понятия, как «космос» (порядок и гармония в противоположность хаосу) и «логос» (всеобщее духовное начало мира, его закон). То, что обозначается такими понятиями, интеллигибельно, то есть постигаемо только умом и не доступно чувственному познанию. И впервые уже у Парменида прозвучало утверждение, что бытие – это не есть сенсорно воспринимаемый мир вещей. Ибо нет в мире ничего вечного и неизменного – все в движении и в процессе возникновения и уничтожения. А потому и опереться не на что. Так какое же это бытие? Это как раз небытие, кажимость, покрывало майя, обман, чувственная иллюзия. Позже у Платона мы встречаем мир идей в противопоставлении миру вещей как вторичному. А в неоплатонизме и христианской теологии мы встречаем понятие Бога и мира горнего, обозначающих истинное бытие в его противопоставлении миру дольному, мирскому как материальному и недуховному.

На этом этапе нашего рассуждения зафиксируем пока, что традиция восприятия логоса, сущности, интеллигибельного мира как истинного бытия очень древняя. Можно вспомнить еще и китайцев, у которых Небо (Тянь) – это не планеты и звезды над нашими головами, а духовная сущность мира, включающая все судьбы всех вещей – как в прошлом, так и в настоящем и в будущем. Отсюда – понятие Дао в даосизме: Дао – это Путь, прописанный каждому в Тянь. Найдешь свой путь, Дао – будет тебе и счастье и удача, а если идешь не своим путем – жди беды и несчастий.

Диалектика понятий далее раскрывается в следующей паре категорий: **ВОЗМОЖНОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**. «Действительность – объективно существующий предмет как результат реализации некоторой возможности, в широком смысле – совокупность всех реализованных возможностей. ... Переход возможности в действительность постоянно совершается в неорганической природе..., в органической природе... и общественной жизни» [4;87-88].

Действительность – это то, что возникает из возможности с необходимостью, закономерно, в соответствии с объективными законами природы, космоса, бытия. Мир, таким образом, рассматривался как наполненный потенциями, которые и разворачиваются сообразно Логосу. Гегель назвал это Мировым Разумом. С этой позиции Гегель и сформулировал свое знаменитое «Все разумное – действительно, все действительно – разумно». Разумно не в смысле «правильно», а в смысле «закономерно», сообразно Разуму.

На почве убежденности в существовании объективной логики разворачивания реальности родился философский позитивизм. Программный девиз О. Конта «Знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы управлять» предполагал, что в будущем обществе не будет вообще места спонтанности, непредсказуемости, творчеству. Социальная реальность становится продуктом сознательной человеческой деятельности, которая строится в соответствии с объективными законами. В известной мере в этой позитивистской, «органистической» парадигме работали позже многие: Маркс, Спенсер, Дюркгейм, Парсонс.

Однако уже в конце XIX века физика, а с нею и все естественные науки были до основания потрясены методологическим кризисом. И одним из важнейших принципов новой парадигмы стал принцип случайности. Случайность, правда, тоже объявлялась частным видом закономерности, но «лед тронулся». А где случайность – там нет логики. Бог не играет в кости.

Этот методологический кризис отразился и на гуманитарных науках. Парадигмальные сдвиги в социологии уже в XX веке ясно показали, что проблема обстоит гораздо сложнее, чем это представлялось Конту и даже Парсонсу. Пытаются спасти ситуацию в концептуальных положениях синергетики (И. Пригожин). И в современной парадигме заговорили о бифуркации. Точка бифуркации – это такое неравновесное

состояние системы, при котором её будущее не детерминировано прошлым, а зависит от случайного стечения обстоятельств, часто от весьма незначительного фактора, *малого воздействия*. И любой вариант развития возможен. Но тогда рушится вся рациональная парадигма мироздания. Тогда мир не есть ни космос, ни логос. Тогда мир – хаос. Логос умер, а вместе с ним и Космос как Разум.

Наконец мы констатируем уже в наше время ситуацию постмодерна, хорошо обозначенную в свое время. Так, о новой социальной реальности Ж.-Ф. Лиотар писал: «Реальность дестабилизирована настолько, что дает материал уже не для опыта, но лишь для зондирования и экспериментирования» [2;105]. Интересно и то, что по Лиотару реализм как таковой вообще не знает реальности, поскольку никогда не задается вопросом о ее природе, а классический реализм знает о реальности только то, что она существует объективно. При этом не так уж важно, что мы понимаем под реальностью – природу, Бога или человеческую историю, общество.

Итак, категория РЕАЛЬНОСТИ в результате нашего рассуждения предстала перед нами в виде парных категорий БЫТИЯ и СОЗНАНИЯ, а затем ВОЗМОЖНОСТИ и ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. И уже во второй паре категорий мы обнаружили, что средоточием проблемы, по сути, является человеческая реальность, то есть СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. Поскольку именно в ней наиболее остро встает проблема противопоставления возможности и действительности. Что в свою очередь трансформируется в проблему соотношения ОБЪЕКТИВНОЙ и СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ.

Проблему эту в общем виде можно сформулировать так: ОБЛАДАЕТ ЛИ СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ АТРИБУТОМ ИСТИННОСТИ? Или истины нет, поскольку нет объективной логики, и потому все относительно?

С этой методологической и мировоззренческой проблемой рано или поздно сталкивается любая наука, не только гуманитарная. Вспомним лингвистику с ее семантикой и прагматикой, психологию с ее психофизической проблемой и проблемой содержания и структуры психики, кибернетику с ее теорией информации и лженаукой информациологией, культурологию с ее проблемой определения собственного предмета, социологию с ее проблемой определения субъекта социологического действия, политологию с ее проблемой роли идеологии.

И вот здесь в очередной раз в истории развития человеческого духа мы наблюдаем пока еще скрытую, но от того не менее острую борьбу мировоззрений, настоящий мировоззренческий фронт. Одним из участков этого фронта стало понятие ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ.

Под виртуальной реальностью сегодня понимают реальность медийную, реальность электронных средств коммуникации. Это то, о чем писал в своей работе «Реальность масс-медиа» Н. Луман, и то, о чем писал в своей книге «Америка» Жан Бодрийар. А также то, о чем писал Элвин Тоффлер, утверждая, что «происходящее сегодня – это не просто технологическая революция, а приближение совершенно новой цивилизации в полном смысле слова» [3; 556]. «Гигантские центральные компьютеры с их скрежещущими принтерами и сложными системами охлаждения заменит множество чипов, установленных тем или иным способом в каждом доме, больнице, отеле, автомобиле, в сущности, в каждом строительном кирпиче. Мы будем жить в электронной среде» [3; 560-561]. Все авторы в качестве существенного признака современной социальной реальности выделяют так или иначе информацию, а современное общество чаще всего характеризуется как «информационное».

Между тем, при более пристальном исследовании выясняется, что понятие «виртуальный» не так однозначно и имеет давние корни. Интересно, что английский термин *virtual* означает одновременно как «фактический, действительный, являющийся», так и «возможный, предполагаемый, мнимый». В философии он применялся и ранее. Предположение о том, что некая реальность способна генерировать иную реальность, не

идентичную порождающей, выдвигал еще Василий Великий. В средневековой схоластике употреблялась оппозиционная пара «виртуальный» – «актуальный» и «виртуальный – константный». Фома Аквинский, выделяя вслед за Аристотелем душу растительную, животную и разумную, писал, что последняя, разумная, то есть человеческая, «виртуально содержит в себе душу животную и душу растительную». Позже Николай Кузанский в работе «О видении Бога» писал о «виртуальном» пребывании дерева в своем семени и вообще [1; С.46-47], отождествляя тем самым виртуальную реальность с Божественной первопричиной, то есть объективной закономерностью, отражаемой нашим интеллектом. О виртуальной деятельности писал в конце XIX века А.Бергсон, имея в виду некую «закупоренную», то есть не совершенную в результате возникшего препятствия деятельность. Такая, «закупоренная», деятельность не исчезает и не становится потенциальной, а остается актуально существующей и действующей особым образом. Этот тип существования и был назван А.Бергсоном «виртуальным». В психологии позже это было названо «установкой», или в западной терминологии – «аттитюд».

Таким образом, существует давняя традиция употребления термина «виртуальный» в значении «возможность, готовая стать действительностью», или, точнее, «возможность, которая станет действительностью при определенных, зависящих в том числе и от нас, условий». Не создадим условия – не станет потенциальная возможность действительностью. Создадим – станет.

Нам представляется, что такая трактовка понятия виртуального гораздо глубже и продуктивнее. В конечном итоге такая трактовка восстанавливает диалектику бытия и сознания, возможности и действительности, объективной реальности и субъективной реальности. Но для того, чтобы это заработало, необходимо сделать предметом серьезного изучения понятие и феномен реальности в его различных модусах: социальной реальности, виртуальной реальности, языковой реальности, культурной реальности и художественной реальности и т.д. То есть, иначе говоря: понятие виртуальной реальности и практику медийной реальности необходимо рассматривать в их связи с проблемой отношений объективной реальности и субъективной реальности. И никак иначе. В то время как отрыв проблемы реальности и понятия виртуальной реальности от указанной проблематики приводит к рождению таких симулякров, которые уже в ближайшее время способны переформатировать наше общество до неузнаваемости.

Приведу лишь два примера. Первый – отождествление виртуальной реальности с медийной и компьютерной реальностью. Такое отождествление приводит к практической фетишизации информации. Теоретическая фетишизация уже была произведена в различных теориях «информационного общества» (которого нигде нет), «постиндустриального общества» и т.д. Вспомним «третью волну» Тоффлера. Практическая фетишизация происходит сейчас. А фетишизация информации, в свою очередь, ведет к симулякризации общества и к созданию управляемого жизнерадостного стада. В нашей сегодняшней действительности мы наблюдаем, например, появление новых лженаук, никакого отношения не имеющих к знаниям. Речь идет о новой «науке» «информациологии». Не о теории информации, науке, рожденной в недрах кибернетики, а об «информациологии». В издательстве «Высшая школа» в 2000 году вышла книга И.И.Юзвизина, академика и председателя нашей российской «Международной академии информатизации», имеющей Генеральной консультативный статус ООН и Всемирного информациологического парламента. Труд г-на Юзвизина рекомендуется этой организацией как «учебник для высших и средних учебных заведений». В книге автор пишет буквально следующее: «Бог - это Информация, и Информация - это Бог вездесущий». Информация вечна, вездесуща, всемогуща, беспредельна, бесконечна и т.д. – см. атрибуты бога в любой религии. «Следует отметить, что, в частности, информация принципиально отлична от материи, поэтому для обнаружения и познания природы тончайших ее структур не должны применяться материальные методы научных исследований, а методы дематериализованной информации». Но что самое ужасное,

согласно предисловию, столь глобальная "наука информациология" изучается на 3-м курсе двух столичных вузов - МИРЭА и МАИ. К счастью, МАИ – это не всего лишь Московская академия информатизации, а не Московский архитектурный институт. Утверждается, что после такого курса студенты становятся «специалистами, которым под силу не только информациологические исследования, но... также мысленные эксперименты в рамках материосфер и вакуумосфер Вселенной».

Другой пример – еще одна лженаука энеология, создателем которой считается некто Альберт Игнатенко, облеченный многими официальными званиями, в том числе академическими. Он пишет в своей программной работе: «Долгое время материалисты и идеалисты спорили о первопричине сущего. Материалисты считают такой причиной материю, идеалисты — сознание, энергетисты — энергию». С одним из таких специалистов-энеологов мне недавно пришлось общаться. Он призван своей профессией гармонизировать нашу с вами энергетическую сферу, приводить ее в гармонию с космосом. Конечно же, при помощи экстрасенсорики! Потому что элементарными понятиями он не владеет, не знает даже, что такое информация и энергия ни в физике, ни в его собственной «науке». Когда же мы читаемopus самого Игнатенко, то становится понятно, откуда ноги растут. Глава XI егоopus называется: «Психоэнергосуггестия - новое направление в мировой практике». А когда читаешь его «научную» биографию и обнаруживаешь в ней работу по политехнологиям, то становится ясно, куда нас затягивают. Психоэнергосуггестия – это не новое направление в мировой практике, а старое, как мир. В последний раз оно применялось в немецком третьем Рейхе очень удачно.

Итак, подведем итоги и сделаем краткие выводы. Они таковы.

1. Философская категория реальности сегодня становится ареной острой мировоззренческой борьбы, которая заслуживает того, чтобы ее вести, а не замалчивать.

2. Анализ этой категории в современном аспекте показывает, что корнем является проблема соотношения субъективной и объективной реальностей, точнее – проблема истинности субъективной реальности.

3. Одной из форм сокрытия проблемы и ее не решения является пресловутая «виртуализация» социальной реальности, которая имеет две стороны. Первая – это искажение понятия «виртуальный», смазывания его мировоззренческого характера через приписывание ему значения только связанного с информационными технологиями. В то время как это – психологический термин. И вторая сторона - фетишизация информации и всего, что с нею связано. Что ведет к появлению мощных манипулятивных практик, в числе которых – рождение разных лженаук, лжеакадемий и дисциплин-симулякров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузанский Н. О видении Бога // Кузанский Н. Сочинения в двух томах. Т.2. М.,1980. С.46-47.
2. Лиотар Ж.-Ф. Заметка о смыслах «пост» // Иностранная литература, №1, 1994. С.105.
3. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Издательство АСТ, 1999. С.556, 560-561.
4. Философский энциклопедический словарь. М.,1983.С.572, 69, 622.

Вопрос **В.Б. Ежеленко**: Существует ли в философии единое понятие реальности? Какого определения понятия реальности придерживаетесь лично Вы?

Ответ: В философии не существует единственно «правильного» с точки зрения формальной логики (по роду и видовому отличию) *реального* определения понятия «реальность». Как можно было заметить, я начал свое выступление с определения *номинального*, и при том – неоднозначного, противоречивого. Я согласен с утверждением

Светланы Геннадьевны, что язык слишком беден, чтобы описать, объяснить некоторые существующие явления. Данное понятие является одной из философских фундаментальных категорий. А такие категории призваны отражать настолько сложные и многогранные сферы действительности, что «правильное» с точки зрения формальной логики определение выхолостит, обеднит их. В своем докладе я постарался показать другой путь определения понятия – через диалектику субъективного и объективного, которая раскрывается в парных категориях «бытие и сознание», «возможность и действительность», «объективная реальность и субъективная реальность». В конкретном же научном диалоге смысл и значение понятия «реальность» часто контекстуальны.

Вопрос Н.С.Карелина: Как современная философия определяет понятие «Бог»?

Ответ: Философия, если это действительно философия, то есть рациональная форма познания мира, а не теология, дает, разумеется, только номинальное определение этому понятию. Ибо реальное определение неизбежно заставляет нас признать действительное существование Бога, то есть отказаться от рационализма. При этом, как известно, разные философские школы трактуют это понятие по-разному. Более того, и в теологии есть разные трактовки. В христианской теологии, например, есть, кроме ортодоксальной, еще и пантеистическая, и деистическая трактовка. Это и понятно: феномен Бога субъективен. Если Бог – объективная реальность, то это – пантеизм. Ортодоксальная точка зрения: Бог как Демиург, как Творец, который выше всякой реальности, как объективной, так и субъективной. С моей точки зрения, древнее понятие «логос» было ближе к абсолютной истине.

Вопрос Н.С.Карелина: Что такое абсолютная и относительная истины, с Вашей точки зрения?

Ответ: Вопрос хрестоматийный, а потому требует либо очень краткого ответа в надежде, что все всё понимают, либо, напротив, целой лекции. Отвечу кратко. Наше знание – это истина относительная в силу своей принципиальной неполноты. Но движемся мы с его помощью к истине абсолютной. Отрицать наличие абсолютной истины как полного универсума всех законов бытия, Логоса, как всеобщей логики развития Бытия – это значит отрицать само знание, то есть становиться на позиции агностицизма. Что лично для меня неприемлемо.

Вопрос Н.С.Карелина: Если наше знание – относительно, то как в каком случае можно что-то называть лженаукой? Имеете ли Вы право так клеймить кого бы то ни было? На каком основании Вы выносите свой приговор коллегам?

Ответ: Я выношу такой «приговор» псевдонаукам, основываясь на методологии. Обладая определенным знанием, мы точно представляем, как оно добыто, знаем метод, которым это знание было получено. Методология – это то, что превращает мнение в знание. Кроме того, лженауки всегда включают «мистическую» составляющую. Для меня наличие в какой-то системе знания мистики – это лакмусовая бумажка.

Ежеленко В.Б. Педагогическая реальность

1. Генезис

Педагогическая реальность – это имманентное свойство жизни людей. Общество постоянно воспроизводится в детях. «Жизнь стремится к продолжению жизни. В физиологической жизни возобновление достигается питанием, воспроизведением, в социальной жизни воспроизведение достигается воспитанием» [1; С.7]. Так было и на заре человечества, когда люди ещё не знали слов педагогика, воспитание, обучение, образование, приучение и т.п. Слов не было, но то, что мы сегодня называем

воспитанием, было всегда с момента осознания человечеством себя таковым, хотя и в диапазоне от реализующихся инстинктов до элементарных зарождающихся культурных потребностей. Дети рождались и ими занимались во все времена. Но исходно следует вести речь лишь об *имманентной бессознательной образовательной функции бытия, жизни* - активности раннего человечества, направленной на ребёнка. В раннем филогенезе никто не ставил перед собой никакой цели в отношении ребёнка. Дети рождались и естественным образом включались в жизнь рода, племени, общины. Взрослые же естественным образом, по отношению к ребёнку выполняли функции, которые и до наших дней практически остались неизменными и основными - сохранить ребенка, предостеречь от опасностей, вырастить, укрепить физически, вскормить - *воспитать*.

На этом основании исходным понятием педагогической реальности следует рассматривать *образовательную функцию бытия*, как объективное явление. Это понятие в аспекте предмета педагогики как науки употреблено нами в анализе «видов деятельности в педагогическом процессе». [2; С.133],

Невозможно установить соотношение основных педагогических реалий и понятий «образование», «воспитание», «обучение» без осознания истока и причины их появления. Таким истоком мы рассматриваем синкретную бессознательную образовательную функцию бытия человечества в раннем филогенезе - единую и единственную, предшествующую воспитанию и обучению. Образовательная функция бытия на заре человечества реализовывалась на уровне бессознательной активности людей по отношению к ребёнку. Мы полагаем, что истоком всей последующей педагогической реальности в её развитии следует рассматривать именно образовательную функцию бытия, а выделение функций воспитания и обучения – следствием объективного культурного развития человека и общества. Но и образовательную функцию бытия в раннем филогенезе человека следует рассматривать лишь на уровне родительского инстинкта, на её самом элементарном уровне, как бессознательную корректировку взрослыми действий и поведения, спонтанно развивающегося ребёнка в племенной, родовой или общинной среде.

Функции воспитания и обучения зарождаются с возникновением семьи в единой практике спонтанного, *природного образования человека*. Они выделяются из образовательного синкретизма последовательно и начинают самостоятельно действовать, но, в тоже время, неизменно присутствуют и действуют как синтез в единой полифункциональной образовательной функции бытия, в процессе культурного развития человечества.

Следует полагать, что первой выделяется практика и функция *воспитания*, как следствие осознания и формирования у людей представлений о добре и зле, о нормах поведения. Функция воспитания отчётливо выделяется, получает качественное развитие в духовной практике людей, благодаря этой практике. Именно с возникновения духовной практики в обществе, можно вести речь о воспитании как о сущностной функции образовательного бытия человека, поскольку именно в духовной практике у людей формируются четкие представления об идеальном *образе*, о «подобии образу», образце, к которому человечество начинает стремиться.

Обучение не выделяется в самостоятельную функцию из единой образовательной практики жизни до тех пор, пока семья справляется с функцией исчерпывающего обеспечения ребёнка необходимыми знаниями в соответствии с оптимальным культурным уровнем общественной среды, с уровнем развития производительных сил и производственных отношений. Функция *обучения* немедленно выделяется из единой образовательной практики жизни с развитием культуры и цивилизации, как только критическое количество знаний приводит к их качественному скачку, когда семья перестаёт справляться с этой функцией.

Как только в качестве самостоятельной функции из образовательной практики жизни выделяется функция *обучения*, следствием становится зарождение новой

профессиональной деятельности, профессии, не имевшей до определённого момента места в общественной истории, которая в современности именуется *педагогической деятельностью*.

Отсюда, педагогическая деятельность – явление культурное, то есть, вторичное и субъективное по отношению к образовательной практике жизни, единой образовательной функции бытия – явления объективного. Первичным субъектом педагогической деятельности выступает общество. Учитель – вторичный субъект педагогической деятельности. Именно общество, испытывая потребность в дополнительном, помимо семейного, развития детей, выделяет из своей среды, готовит и призывает на службу профессионалов – учителей. Учитель выполняет функцию удовлетворения общества в педагогической деятельности.

Педагогическая реальность приобретает не только новую форму – *педагогическую деятельность*, но и новое качество. С одной стороны, наряду со спонтанным образованием человека в практике жизни, функции обучения и воспитания получают развитие в целенаправленной профессиональной деятельности учителей – в педагогической деятельности. А с другой – имманентная бессознательная образовательная функция бытия, характеризовавшая активность древних людей направленную на ребёнка, развивается в филогенезе в культурную практику современной семьи с неизменными функциями воспитания и обучения. Подобная логика позволяет осознать не научность понятия «родительская педагогика». Даже современные родители не занимаются педагогикой. Педагогика – это феномен профессиональной педагогической реальности. *Воспитание* и *обучение* в современной семье – это сущностные аспекты и функции родительской активности направленной на детей – единой и нераздельной образовательной функции семейной жизни. Вместе с тем, практику родителей, чаще всего одного из родителей, подготовленного профессионально педагогически, то есть, сознающего цель и систематически реализующего методы и приёмы воспитания или обучения своего ребёнка, следует рассматривать *педагогической деятельностью*. В этом случае речь идёт не о семейном воспитании и обучении, а о профессиональной образовательной практике, в которой функцию педагога-профессионала в отношении своего ребёнка выполняет один из родителей. Специфика родительской профессиональной педагогической практики характеризуется прерывностью и несистематичностью в отличие от практики учителей и воспитателей в школах и других общественных образовательных учреждениях. Успешное профессиональное педагогическое взаимодействие с собственными детьми является исключением и, как правило, быстро прекращается. Дети отдают предпочтение природосообразной образовательной функции родителей в противоположность педагогической. Другими словами – дети не любят прямое профессиональное обучение и воспитание родителями. За исключением не частых случаев, когда родители оказываются высокими профессионалами-педагогами в отношении своих детей. Такая педагогическая практика родителей может быть иногда полезной в качестве дополнительной к синкретной образовательной функции семейного бытия.

Важнее, с нашей точки зрения, является высокая *педагогическая культура* родителей, которая в *естественном* процессе взаимодействия с детьми, усиливает образовательные потенциалы семейного быта в отношении функций обучения и воспитания, реализующихся в единой практике семейной жизни. Например, знание и понимание лишь одного педагогического принципа в воспитании – «единство требований», позволяет исключить типичную воспитательную рассогласованность членов семьи, часто ведущую к катастрофическим следствиям в процессе становления личности ребёнка.

2. Педагогическая деятельность

В любом обществе образовательную функцию бытия и целенаправленную педагогическую деятельность осуществляют семья, церковь и школа. В периоды

стабильного развития социальные образовательные институты взаимно дополняют и усиливают общественную образовательную функцию.

В задачу статьи не входит рассмотрение образовательных потенциалов семьи и церкви. Нужно лишь отметить слабость образовательных потенциалов российской семьи в силу особенностей становления общественных отношений в последнее двадцатилетие. По преобладанию современная российская семья решает проблему выживания, что уменьшает образовательную функцию малоимущих и небольшого достатка семей, составляющих подавляющее большинство народа. Зажиточным семьям не хватает культуры и времени для занятий детьми. Более актуальной является проблема накопления и сохранения капитала. Образовательную функцию, направленную на детей в дошкольный период жизни в обеспеченных семьях, за редким исключением, выполняют наёмные воспитатели, педагоги. Очень богатые люди, составляющее абсолютное меньшинство населения образование своих детей поручают профессиональным воспитателям и элитным образовательным учреждениям в стране и за рубежом.

Последнее десятилетие большую педагогическую активность проявляет Русская православная церковь. Однако о существенном влиянии церкви на решение образовательных и педагогических проблем говорить пока не приходится. Удельный вес педагогического влияния церкви на детей страны ещё мал в силу непродолжительности периода возрождения самой церкви.

Важнейшей педагогической реальностью играющей исключительную роль в реализации образовательной функции российского общества является система массового среднего школьного образования.

Нет недостатка в аналитических статьях констатирующих упадок российского массового школьного образования. Критерием суждений выступает факт малограмотности и ограниченной эрудиции выпускников современных российских школ. В аналитических работах высвечиваются и подвергаются критике отдельные «модернизационные» аспекты в трансформирующейся системе российского школьного образования объясняющие снижение образовательной функции школы и т.п. При этом, отсутствует сущностное видение и понимание процессов российской педагогической реальности.

Важнейшим феноменом педагогической реальности в современной передовой культуре и цивилизации, как было отмечено выше, следует рассматривать профессиональную *педагогическую деятельность*. Педагогическая деятельность минимально может рассматриваться лишь с учётом цели деятельности. В педагогической теории стратегической целью педагогической деятельности рассматривается личность. Другое дело – «наполнение» личности содержанием.

Никакая деятельность не может быть бесцельной. Не может быть эффективной и успешной «бесцельная» педагогическая деятельность. Если мы имеем дело с деятельностью, то цель непременно есть. Другое дело – цель может быть известна не всем. Подобное положение наиболее характерно для современной российской педагогической реальности начала нового века.

Употребляя понятие педагогическая деятельность, следует помнить о субъекте или о субъектах педагогической деятельности. Важно уточнять, идёт ли речь о деятельности отдельного профессионала или о совокупном субъекте педагогической деятельности, например, о системе образования страны, социальных группах или обществе в целом.

Выше был сделан акцент на том, что первичным субъектом педагогической деятельности является общество. Это важно и означает, что педагогическая деятельность – это инструмент общества, с помощью которого общество, как совокупный субъект педагогической деятельности ставит и достигает поставленные цели. Абсолютной целью любого цивилизованного социально здорового общества является его развитие в направлении идеальных представлений о совершенном обществе, а это уже вопрос

политики государства, которому общество делегирует полномочия для общественного совершенствования и развития. Общество многолико, а потому исходить следует из того, что, например, в демократическом обществе невозможно совпадение целей и представлений о педагогических целях в разных социальных и общественно-политических группах. Многое зависит от того, представители какой общественно-политической или партийной группы доминируют в руководящих структурах образования в обществе, в государстве.

Всё познаётся в сравнении. Современная российская система образования во времени отстоит недалеко от принципиально иной советской социально-экономической формации, обусловившей *единую* систему образования с единой стратегической педагогической целью для всей системы образования. В советском обществе педагогическая *цель* для системы образования в целом, а значит и для каждого субъекта педагогической деятельности, для педагога, для учителя формулировалась открыто и однозначно – *всестороннее и гармонически развитая личность*. Следует подчеркнуть, что речь шла не об отдельных, исключительных личностях, представителях ограниченного социального круга, детей определённой части общества, обучающихся в том или ином элитном образовательном учреждении, а о всех детях страны, о каждом ребёнке без какого-либо исключения. Система функционировала жестко, жёстким был контроль воплощения поставленной цели, в каждой школе, в каждом структурном звене единой системы образования. Такой была политика образования в советском обществе.

Современное российское общество – это общество социального неравенства взрослых и, как следствие, детей. Этим обуславливается и политика образования. Естественно, в таком обществе становится невозможной не только постановка единой цели педагогической деятельности, но невозможным становится открытое публичное осмысление проблемы педагогических целей. В обществе социального неравенства дети оказываются поделёнными на «овец» - элитных, одарённых и «козлищ» - фактически всех детей страны! Актуализация проблемы педагогических целей на уровне общественного, всеобщего сознания рано или поздно ведёт к возмущению общества. Поэтому в официальных документах проблема педагогических целей в образовании искусно обходится. Дабы не смущать умы, проблема педагогических целей подменена симулякрами – «образовательные стандарты», «создание условий для свободного развития личности», «... для самореализации личности» и т.п. В лучшем случае – это промежуточные цели, а на деле – это средства достижения, *остающихся в тени*, собственно педагогических *целей*. Но это не значит, что действительная цель и цели никому не известны. Стратегические цели российского образования по факту актуальной школьной политики, практики, действительности признаются профессионалами. Об этом время от времени проговариваются в средствах массовой информации представители политического направления, определяющие по факту развитие общества, ныне определяющие характер развития массового российского образования. Для них конечной целью в массовом российском образовании выступает «обыватель», «цивилизованный потребитель» и специалист соответствующий конъюнктуре рынка. Именно этим можно объяснить задаваемую парадигму массового российского среднего школьного образования. Обыватель, потребитель и специалист на изменяющуюся потребу – это идеал рыночной идеологии. Именно этим целям соответствуют средства, коими являются образовательные стандарты и создаваемые условия, в которых современные учащиеся массовой российской школы совершенно «свободно» овладевают полуграмотностью. Эти качества являются главными в «самореализации» ребёнка в обывателя и в «цивилизованного» потребителя.

Надо полагать, именно этим было вызвано и высказано детским писателем Сергеем Михалковым с тревогой и болью предостережение: «Сегодня - дети, завтра – народ»!

Люди, которые рассматривают общество в перспективе обывателями в «хорошем смысле» и «цивилизованными» потребителями, разумеется, себя к таковым не относят.

Себя и будущее своих детей они относят к элите общества. В этом нет ничего плохого, помня, что элита общества – это люди всесторонне и гармонически развитые. Современная российская элита, не всегда исключительного ума, но хорошего образования. По преобладанию это элита богатства. Хорошее образование она получила в бесплатной советской школе. В системе советского образования достижению цели всестороннего и гармонического развития каждого ребёнка была подчинена педагогическая деятельность любой школы. Плохо, что в современном российском обществе всестороннее и гармоническое развитие личности – удел меньшинства. Подобное положение дел свидетельствует не о развитии системы массового школьного образования и, как следствие, общества, а о его стагнации и, если не остановиться, – духовно нравственной и интеллектуальной деградации.

3. Столкновение парадигм образования

Стагнация российского массового школьного образования есть результат столкновения фундаментальных парадигм образования в педагогической культуре, определяющих развитие передовых цивилизаций последние четыреста лет. В российской педагогической реальности в противоречие вступила продемонстрировавшая свою эффективность в массовом российском образовании в двадцатом веке парадигма классно-урочного образования, *усиленная единством системы*, с парадигмой образования, последние сто лет развивавшейся на основе методологии прагматизма.

Западноевропейское и российское образование развивались последовательно и неуклонно, в одних культурах и цивилизациях раньше, в других – позже, но магистральной, набирающей всё больший удельный вес с первой половины XVII века до наших дней среди прочих явилась парадигма системы классно-урочного образования. Суть парадигмы не в классах и уроках, а в системе. Открытием стало *система* классно-урочного образования.

Альтернативой системе классно-урочного образования явилась парадигма образования, основанная на методологии прагматизма. Выдающийся американский философ-педагог так писал более ста лет назад: «Перемена, которую мы вносим, касается центра тяжести всей школьной жизни. Это преобразование, эта революция подобна той, которую произвёл Коперник, когда он объявил не землю, а солнце центром нашей системы.

Теперь ребёнок должен стать тем солнцем, около которого вращаются все образовательные средства, тем радиусом, который определяет размер всего круга школьной жизни». В этих строках выдающийся философ-педагог Дж. Дьюи полемизирует с Я.А.Коменским, который, как известно, «солнцем» в классно-урочной системе, освещающим и «согревающим» в равной мере всех учеников объявил учителя.

Переселенцы Западной Европы, привезшие на американский континент систему классического системного классно-урочного образования, в конце девятнадцатого века в лице выдающегося американца и его последователей отказываются от традиционной классно-урочной системы. Причиной становится динамичный рывок новой цивилизации в промышленном развитии. При этом следует внимательно отнестись к обоснованию новой альтернативной парадигмы образования и к причине её скорого и безусловного принятия американским обществом, государством и политической системой. Традиционная парадигма системного классно-урочного образования вступила в противоречие с потребностью в политехнической подготовке рабочей силы и с идеологией рынка. Рынок не терпит затратной системы образования. Традиционная школа давала «лишние» знания. То есть, системная подготовка в традиционном, классно-урочном образовании, ориентированная на развитие ребёнка с позиции христианской идеологии как на безусловную ценность, с точки зрения прагматизма в аспекте философии *полезности* предусматривает бесполезные для бизнеса знания. Вместе с тем, следует обратить внимание, что авторское обоснование новой парадигмы образования всё же неизменно

ориентируется на ребёнка как на самостоятельную ценность. Речь неизменно идёт о развитии ребёнка, а истоки развития Дж.Дьюи находит не в деятельности учителя направленной на ребёнка, а в собственной деятельности ребёнка (гр. *pragma* – дело), в практике, в его опыте. Спустя столетие значение понятие *pragma* в методологии прагматизма по факту педагогической реальности в современной культуре технологически развитых цивилизаций полностью переносится на «нужные» и «не нужные», полезные и бесполезные для бизнеса знания. Отсюда целью в современном «гуманистическом» массовом образовании становится не развитие личности, а её «компетенции» необходимые для окупающейся подготовки того или иного специалиста. То есть, авторская подлинная гуманистическая основа предложенной Дж.Дьюи парадигмы образования со временем исчезает, устраняется и подменяется исключительно *пользой* – прагматикой. Не случайно его главные концептуальные педагогические работы не переиздаются и ныне, по крайней мере, в России и составляют библиографическую редкость.

Чтобы понять и оценить эти фундаментальные парадигмы массового образования в ведущих цивилизациях в мире надо вникнуть в суть обеих систем.

Привычные, из века в век повторяемые слова «учить всех всему» притупляют аналитическую активность мыслителей и практиков в отношении глубинной идеи системы классно-урочного образования. В ней важно видеть стратегический вектор и концентрированное выражение христианской этики и мировоззрения. – Смысл жизни *всех* пришедших в этот мир – непрерывное совершенствование, стремление соответствовать, подходить образу и замыслу Творца. Это возможно в процессе овладения всей полнотой знаний, познание *всего*. То есть, знание не только того, что полезно для дела, а и того что, в первую очередь, полезно для души – абсолютной меры человеческого совершенства. В этой парадигме, образование – это процесс приближения к совершенному и абсолютному образу в христианской этике. Такова цель.

Средством достижения цели является *система* – система классно-урочного образования. Понять систему можно изучив возможности и потенциалы её системного звена. Таковым звеном или, словами автора этой парадигмы, «солнцем» является учитель. Остальное хорошо известно из учебников. Система устроена таким образом, что позволяет одному учителю учить одновременно большое количество учеников и всех сразу. Эта система воистину позволяет учить *всех!*

Критерием истинности превосходных характеристик и неисчерпаемости развивающих потенциалов парадигмы классно-урочного образования стала усовершенствованная практика советского образования. С 31 по 91 гг. прошлого века система впервые работала в точном соответствии с замыслом и была усилена содержательным *единством* образования в масштабах целой страны. Учили всех детей страны одинаково *всему*, что при условии добросовестной учёбы, желании самого ученика обеспечивало прямой путь для поступления без дополнительной подготовки (репетиторства) в университет любого ученика. При всеобщем бесплатном образовании было достигнуто действительное равенство возможностей и подлинная свобода выбора учащегося, ограничиваемая только своим отношением к учёбе.

Классно-урочная система образования с позиций неопрагматизма – *полезности*, является неоправданно затратной.

Вместе с тем, следует исходить из того, что никакая система, никакая парадигма образования ни хороша, ни плоха! Любая парадигма образования – это всего лишь *средство* достижения целей образования. Средства не бывают хорошими или плохими. Средства либо соответствуют, либо не соответствуют поставленным целям и возможности их достижения. Если начинается стагнация, либо упадок образования, надо анализировать соответствие средств целям, а целей наличным средствам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дж. Дьюи. Введение в философию воспитания. М., 1921.
2. Новая педагогика массовой школы. СПб, 2005.

Вопрос А.П. Фомина: В Вашей концепции педагогическая реальность – это педагогический процесс, целью которого является развитие ребенка. Но является ли развитие ребенка атрибутом этого процесса? То есть, всегда ли педагогический процесс достигает своей цели – развития ребенка? Может быть корректнее говорить, что развитие – это принцип, некий идеальный ориентир педагогического процесса, что и отражено в понятии «цель»? Ведь цель – это идеально представляемый результат деятельности.

Ответ: Нет, процесс развития ребенка рассматривается в педагогике как объективный феномен, а не как субъективное понятие.

Филиппова С.Г. О реальности художественного текста

Текст дает исходный материал исследователю языка. Известно, что человек говорит текстами, а не отдельными словами и предложениями. И тем не менее, текст – явление столь многогранное и разноплановое, что не существует и вряд ли может существовать его единое понимание и определение.

Художественный текст обладает всеми особенностями, свойственными тексту вообще, но имеет специфические признаки, отличающие его от нехудожественных текстов. Нехудожественный текст предназначен главным образом для хранения и передачи информации. Для него характерно отражение конкретных фактов, эксплицитно выраженное содержание, совпадение реальной и отраженной действительности. Художественный текст – языковое выражение замысла автора, которому свойственны индивидуальные обобщения, типизация и вымысел. В художественном тексте сочетаются два принципа – условность, вымышленность создаваемого мира художественного слова и сложное, незеркальное отображение существующей действительности [1; 151-158].

При рассмотрении проблемы реальности художественного текста, которая сочетает в себе объективное и субъективное, следует иметь в виду не только его онтологические характеристики, т.е. способ бытия, но и способы изображения реальности, и характер ее восприятия. Целью любого искусства является моделирование мира. Будучи отраженным, а не реальным, художественный мир приобретает относительную самостоятельность от мира реального.

Об объективном характере существования художественного текста свидетельствуют его коммуникативные, когнитивные и культурологические характеристики.

В рамках коммуникативных исследований, рассматривающих текст как коммуникативный акт, выделяют экстралингвистический аспект, где текст представляет собой экстралингвистическую реальность. Текст есть нечто объективно существующее, материальное и поддающееся фиксации с помощью экстралингвистических средств (например, орудий письма, бумаги и т.д.). С помощью текста автор «интерферирует» в окружающую действительность отраженную в его сознании картину мира, результатом чего становится изменение объективно существующего реального мира. Следовательно, текст, изменяет окружающий мир, экстралингвистическую реальность самим фактом своего существования [5; С.28-29].

Когнитивный подход к тексту направлен на выявление связи между мыслью и ее репрезентацией. Текст как языковая форма объективирует мыслительные категории и категории опыта, отражающие связи человека с миром. Такие понятия когнитивистики как «картина мира», «концепт», «фрейм» и др. сегодня активно осваиваются в науке о тексте.

Как субъективный образ объективной реальности картина мира всегда принадлежит идеальному. В этом заключается её самая существенная характеристика [12; С.12-20]. Картина мира - продукт человеческого сознания, и потому по отношению к реальному

(вещному) миру – вторична. «Она образ реальности, но не её зеркальное отражение, именно «картина», т.е. интерпретация» [9 С.248] Субстратом картины мира выступают концепты, образы, представления и схемы поведения. Все эти идеальные сущности могут быть не связаны напрямую с вербальным кодом: не всё то, что воспринимает и познаёт человек, имеет и приобретает языковую форму. Внутри картины мира можно выделить области, более подверженные языковому влиянию и связанные с языком, области, менее подверженные языковому влиянию и менее связанные с языком, и, наконец, области, высвобожденные от языкового влияния. В этом смысле картина мира – «гораздо более сложное образование в сознании человека, чем та её часть, которая имеет привязку к языку и преломлена через языковую форму». [6;С141] Картина мира складывается как в самой предметной и познавательной деятельности человека, так и в ходе ознакомления человека со всеми многочисленными описаниями мира, предлагаемыми ему другими людьми в виде разнообразных речевых произведений, т. е. письменных и устных текстов. В картине мира «органически объединяются знания, полученные как вербальным, так и невербальным путём» [6;С141].

Структура языка со всеми особенностями индивидуального покрова отдельных языков имеет лишь косвенное отношение к структуре мира: она ближе стоит к структуре сознания, чем мира, и обусловлена она в своих принципиальных чертах не миром, а телеологией языка, его коммуникативным назначением – служить транслятором значений от говорящего к слушающим [9;С.38].

Таким образом, картина мира как интерпретация мира является вторичной по отношению к миру действительному и первичной по отношению к языку, который не создает особого мировидения, а служит средством и результатом его объективации. Речевую деятельность автора художественного текста можно представить как процесс объективации собственной картины мира, в свою очередь, интерпретирующей реальную действительность, а художественный текст – результат этой объективации.

Рассмотрению художественного текста как объективной реальности способствует его общественно-культурная значимость. С позиций коммуникативной действительности художественный текст трактуется как «превращенный» речевой коммуникативный акт, т.е. как процесс, позволяющий коммуникации превращаться из индивидуального акта в общественно осознанный продукт, порождаемый гносеологической ориентацией человеческого сознания [8;С.38]. Являясь общественно осознанным продуктом, художественный текст выполняет функцию хранения национальной культуры. Он «хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры» [13;С.10].

Общность присвоенной человеком культуры, т.е общность распределенных культурных предметов и освоенных вербальных описаний культурных предметов (или деятельностей) и определяет общность сознаний коммуникантов, которая в первую очередь обеспечивает возможность знакового общения, когда коммуниканты, манипулируя в межсубъектном пространстве телами знаков, могут ассоциировать с ними одинаковые ментальные образы. Культура – достояние общественное, транслируемое от поколения к поколению, создаваемое, сохраняемое и «трансформируемое» обществом. Вместе с тем, культура – явление реальное, воспринимаемое и репродуцируемое через деятельность членов общества. Богатство сознания каждого конкретного человека зависит от объема присвоенной культуры, в том числе от совокупности распределенных художественных текстов [4; С.29].

Субъективный характер существования художественного текста основывается на его специфических характеристиках, к числу которых, в первую очередь, относят эстетический характер передаваемой информации и фикциональность. Под последней, как правило, понимается наличие в художественном тексте вымысла.

Как носитель идейно-эстетической информации, художественный текст представляет собой результат эстетического освоения изображаемой действительности в соответствии с

авторским замыслом [10;С.16]. Способность передавать эстетическую информацию есть определяющий момент организации художественного текста. В процессе эстетического восприятия актуализируется взаимоотношение элементов эстетического объекта и взаимоотношение этого объекта с другими. Поскольку эстетическое восприятие связано с индивидуальными особенностями психики человека, оно является процессом субъективным, но объективно обусловленным [11;С.5-6].

Человеческое сознание не сводится к пассивному отражению действительного мира, оно обладает креативной способностью, т.е. способно создавать другие миры, достаточно автономные от действительного мира. Такие миры называют *мнимыми, художественными, вымышленными, изображенными, фиктивными*. Художественные тексты, особенно фантастические, наглядно демонстрируют, насколько далеко от реальности может увести человеческая фантазия.

В рамках рационально-логического мышления построение ментальных миров должно согласовываться с «внешним», отражаемым миром действительности посредством механизмов референции. Но в искусстве возможен мир чисто ментальных построений, когда сознание не заботится о корреляции идеальных сущностей с действительным миром, когда оно творит внутри себя, создавая и связывая идеальные концепты и населяя ими идеальные же миры – мнимые миры. Мера зависимости идеальных миров от действительного варьирует от референционального следования последнему до полной автономии в существенных частях. Работа сознания начинает путь от прямого отражения действительного мира, переходит к прогнозированию, домысливанию и планированию, к созданию смешанных идеальных миров, сочетающих в сознании реальное с вымышленным, затем переходит к созданию мнимых возможных миров и заканчивает свой путь сотворением чисто фантазийных и игровых ментальных построений [9;С.246].

Однако, несмотря на свою фантастичность, такие мнимые миры основаны на свойствах и качествах реального мира. «Сознание, - справедливо замечает М.В. Никитин, - не способно полностью оторваться от грешной земли объективного мира и его мотиваций. Даже в предельных случаях, когда персонажи с фантастическими свойствами совершают фантастические поступки в фантастической среде, они все же сконструированы по преимуществу из признаков (свойств и качеств), реально наблюдаемых» [9;С.245-250].

Моделируя реальную действительность, автор художественного текста опирается на воображение. Используя его целенаправленно, автор совершает акт вымысла. Вымышленные субстанции, признаки и события в силу принадлежности автора действительности не могут не иметь ее в качестве онтологической основы. Действительность выступает источником авторского опыта, а потому любые вымышленные им ментальные конструкты лишь модифицируют ту действительность, частью которой он является. Изображенная действительность «не претендует» на то, чтобы ее приняли за реальность, что могло бы послужить поводом для упрека автора в обмане. Авторское намерение сводится к стремлению передать на примере вымышленного «как бы мира» отношение к миру реальному. То, что ложно по отношению к объекту художественного моделирования – реальному миру, истинно к возможному миру текста. Этот вывод, укладывающийся в рамки традиционного разграничения художественной и реальной коммуникации, не предполагает отрыва мира вымысла от реального мира. Напротив, только связь этих миров гарантирует понимание фикции, сколь бы далеко не пыталась нас увести авторская фантазия. Узнаваемость вымышленных ментальных конструктов, объективируемых материальной данностью текста, предопределяется реальностью внешнего и внутреннего мира как «точек отсчета» вымысла [14; С.328-330].

Разграничивают жизнеподобный и нежизнеподобный вымысел. С первым соотносят вымышленные конструкты, подобные сущностям мира, со вторым – конструкты, в которых характеристики мира переплетаются столь причудливо, что у читателя возникает иллюзия их независимого существования. Эти конструкты не имеют референта в реальной

действительности, что предопределяет «остраненность» вербализованного вымышленного конструкта [14; С.325-327].

Вымысел определяет характер референтности художественного текста. Если нехудожественные тексты основаны на реальных событиях реального мира, то предметный мир художественного текста не существует до возникновения этого текста, он появляется симультанно с возникновением текста [7; С.4-8]. Человек обладает ментальной активностью и способностью субъективного видения, восприятия и оценки реального мира, с его способностью обобщать и концептуализировать факты, тем самым создавая источник референтности, мыслительной референтности (например, память о прочитанном, увиденном, услышанном может обрести статус денотата при вербализации) [3; С.23]. Понятие фикциональности сводится к отсутствию у художественного текста референтной определенности, т.е. с отсутствием соответствий лицам, предметам и явлениям в реальном мире.

Кроме того, литературная коммуникация включает в себя «реальную», т.е. коммуникацию между автором и читателем, начинающим читать текст, и «изображенную» (фиктивную) коммуникацию между персонажами, которые «пропускаются» автором через себя и подаются читателю как реальные. Характерной особенностью фикциональной литературной коммуникации следует считать ее абсолютную обусловленность эмпатией создателя художественного текста, т.е. способностью представить себя на месте другого человека и понять его чувства, желания, идеи и поступки [2; С.7],

Итак, реальность существует объективно и одинакова как точка отсчета для автора, создающего художественный текст. В реальный мир погружен каждый из нас со своим сознанием. Посредством языка речь рисует множество иных миров, кроме действительного. Сознание творит, а художественный текст объективирует реальные, фикциональные, возможные, невозможные и смешанные миры. Являясь субъективным продуктом индивидуального сознания, изображенный в художественном тексте мнимый мир, тем не менее, обусловлен объективной реальностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронцова Т.И.* О тексте // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. *Studia Linguistica IX.* СПб, 2000 – С. 151-158.
2. *Гончарова Е.А.* Когнитивно-коммуникативные параметры ситуации порождения, восприятия и интерпретации литературного текста // Язык. Текст. Культура. *Studia Linguistica XVI.* СПб, 2007 – С. 6-15.
3. *Кобрин Н.А.* Язык как когнитивно-креативная деятельность // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. *Studia Linguistica IX.* СПб, 2000 – С. 23-30.
4. *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М., 1998.
5. *Красных В.В.* Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст). Автореф. дисс...док. филол. наук. М., 1999.
6. *Кубрякова Е.С.* Роль словообразования в формировании языковой картины мира. // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988 – С. 141- 72.
7. *Кухаренко В.А.* Интерпретация текста. М., 1988.
8. *Молчанова Г.Г.* Семантика художественного текста: имплицативные аспекты коммуникации. Ташкент, 1988.
9. *Никитин М.В.* Основания когнитивной семантики. СПб., 2003.
10. *Новиков Л.А.* Художественный текст и его анализ. М., 2003.
11. *Пищальникова В.А.* Проблема смысла художественного текста (психолингвистический аспект). Новосибирск, 1992.

12. *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988 – С. 8-69.
13. *Слышкин Г.Г.* Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград, 2004.
14. *Щирова И.А.* Парадоксы вымысла // Актуальные проблемы современного языкознания. *Studia Linguistica XIII*. СПб, 2009 – С. 323-331.

Вопрос А.П.Фомина: Является ли создание, формирование художественной реальности в целом спонтанным, стихийным процессом или это – управляемый процесс?

Ответ: Данный вопрос является чрезвычайно интересным и достаточно сложным. На мой взгляд, процесс создания художественной реальности спонтанен, и даже не вполне управляем самим автором. Но главное то, что создание художественной реальности всегда обусловлено объективной реальностью.

Вопрос А.Г. Стратонникова: Должна ли художественная картина мира включать нравственные категории? Как они соотносятся – художественная картина мира и мораль как форма общественного сознания?

Ответ: Безусловно, художественный текст должен иметь определенные эстетические и нравственные составляющие. Но в итоге, оценку художественному тексту дает общество.

Вопрос В.Б.Ежелекко: Возможен ли обман в рамках художественного текста, намеренно внедряемый с целью манипулирования сознанием читателя? В чем различие между вымыслом и ложью?

Ответ: Следует различать понятия вымысла и обмана, лжи. Художественный текст обязательно содержит художественный вымысел, но не ложь. Данный текст не заявляет претензий на истину. Он может основываться на реальности, но на правду не претендует. Художественный текст – это определенная фантазия, творение автора, имеющая те или иные интенции.

Болотина Ю.П. Восприятие межкультурной реальности

Между языком и реальным миром стоит человек. Именно человек воспринимает и осознает мир посредством органов чувств и на этой основе создает систему представлений о мире. Пропустив их через свое сознание, осмыслив результаты этого восприятия, он передает их другим членам своего речевого коллектива с помощью языка. Иначе говоря, между реальностью и языком стоит мышление.

Как пишет С. Тер-Минасова, поскольку наше сознание обусловлено как коллективно (образом жизни, обычаями, традициями и т. п., то есть всем тем, что выше определялось словом *культура* в его широком, этнографическом смысле), так и индивидуально (специфическим восприятием мира, свойственным данному конкретному индивидууму), то язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку. Распространенная метафора (язык – зеркало реальности) не совсем точна, потому что зеркало оказывается кривым: его перекокс обусловлен культурой говорящего коллектива, его менталитетом, видением мира, или мировоззрением [6;С. 38].

Представления о языке как о картине мира (или иначе о его связи с культурой) впервые были сформулированы еще в первой половине 19 века В. фон Гумбольдтом. Он писал: «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее... Языки – это иероглифы, в которые человек заключает свой мир и свое воображение» [4;С. 349].

Наиболее конкретное воплощение взгляды о связи языка и культуры получили в теории Э. Сепира и Б. Уорфа (родоначальников этнолингвистики). Согласно Э. Сепиру, язык оказывает мощное воздействие на человеческое мышление. Факты свидетельствуют о том, что реальный мир в значительной мере бессознательно строится на языковых нормах данного общества. Не существует двух языков настолько тождественных, чтобы их можно было считать выразителями одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут разные общества, - отдельные миры, а не один мир, использующий разные ярлыки [1;С. 67]. Взгляды Б. Уорфа являются развитием взглядов Э. Сепира. Он считал, что «мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и в его повседневной оценке им тех или иных явлений» [1;С. 67].

Согласно этой теории, каждый язык содержит культурно предписанные категории, посредством которых человек общается, анализирует окружающий мир и строит мир своего сознания.

Слово можно сравнить с кусочком мозаики. У разных языков эти кусочки складываются в разные картины. Эти картины будут различаться, например, своими красками: там, где русский язык заставляет своих носителей видеть два цвета: *синий* и *голубой*, англичанин видит один: *blue*. При этом и русскоязычные, и англоязычные люди смотрят на один и тот же объект реальности — кусочек спектра. По мнению С.Тер-Минасовой, любой человек способен при необходимости восстановить то, что есть в действительности, в том числе и англичанин несомненно видит все доступные человеческому глазу оттенки цвета (и при необходимости может обозначить либо терминами, либо описательно: *dark blue* [синий, темно-синий], *navy blue* [темно-синий], *sky - blue* [голубой, лазурный], *pale - blue* [светло-голубой]) [6;С. 48].

В современном мире, в эпоху глобализации в экономической сфере ни один язык не может оставаться в изоляции, поскольку большую роль в осуществлении политической, финансово-экономической, педагогической и любой другой деятельности играет эффективная межъязыковая коммуникация. Еще Э. Сепир говорил об *интернационализации человеческого сознания* под влиянием все возрастающих межкультурных контактов в сфере торговли и путешествий [5;С. 65]. Выучив иностранное слово, человек как бы извлекает кусочек мозаики из чужой, неизвестной еще ему до конца картины и пытается совместить его с имеющейся в его сознании картиной мира, заданной ему родным языком. Именно это обстоятельство является одним из камней преткновения в обучении иностранным языкам и составляет для многих учащихся главную (иногда непреодолимую) трудность в процессе овладения иностранным языком. Если бы название предмета или явления окружающего нас мира было простым, «зеркально-мертвым», механическим, фотографическим актом, в результате которого складывалась бы не картина, а фотография мира, одинаковая у разных народов, не зависящая от их определенного бытием сознания, в этом фантастическом (не человеческом, а машинно-роботном) случае изучение иностранных языков (и перевод с языка на язык) превратилось бы в простой, механически-мнемонический процесс перехода с одного кода на другой.

В широком понимании межкультурное общение рассматривает культурология и определяет его как «процесс взаимодействия культур» [2;С.4]. Диалог культур предполагает, что взаимодействие различных картин мира, представляемых коммуникантами, включает их логику, мышление, ценностные смыслы и не блокируется, а стимулируется посредством взаимопонимания, толерантности, позитивного отношения. Понятие межкультурной коммуникации предполагает равноправное культурное взаимодействие представителей различных лингвокультурных общностей с учетом их самобытности и своеобразия, что приводит к необходимости выявления общечеловеческого на основе сравнения иноязычной и собственной культур.

Входе такого взаимодействия на первичную картину мира родного языка и родной культуры накладывается вторичная картина мира изучаемого языка. Вторичная картина мира, возникающая при изучении иностранного языка и культуры, — это не столько картина, отражаемая языком, сколько картина, создаваемая языком. Взаимодействие первичной и вторичной картин мира — сложный психологический процесс, требующий определенного отказа от собственного «я» и приспособления к другому (из «иных стран») видению мира. Под влиянием вторичной картины мира происходит переформирование личности.

Усваивая чужой, новый язык, человек одновременно усваивает чужой, новый мир. С новым иностранным словом учащийся как бы транспонирует в свое сознание, в свой мир понятие из другого мира, из другой культуры. Таким образом, изучение иностранного языка (особенно на начальном, достаточно продолжительном этапе, дальше которого, к сожалению, многие изучающие язык не продвигаются) сопровождается своеобразным раздвоением личности. Именно эта необходимость перестройки мышления, перекраивания собственной, привычной, родной картины мира по чужому, непривычному образцу и представляет собой одну из главных трудностей (в том числе и психологическую) овладения иностранным языком, причем трудность неявную, не лежащую на поверхности, часто вообще не осознаваемую учащимися (а иногда и учителем).

По утверждению Д.Б.Гудкова на поверхностном уровне адаптация к иноязычной культуре может происходить достаточно успешно, но при обращении к более глубоким слоям сознания основные «архетипы» родной культуры, воспринятые с рождения модели отражения и классификации явлений окружающей действительности, во многом детерминирующие глубинные мотивации личности, остаются без существенных изменений. «Безусловно,— пишет он,— необходимо знакомить инофона с русским взглядом на мир, но при этом необходимо помнить, что инофон никогда не станет русской языковой личностью» [3;С.37].

Межкультурная коммуникация – необходимый аспект жизни в мультикультурном обществе. Мультикультурность часто рассматривалась как отход от традиционных ценностей. Например, на западе таковыми являются индивидуальная свобода и толерантность, которые формируют основу американской культурной принадлежности. Результатом этого явилось то, что люди, находящиеся по обе стороны этого вопроса, являют оппозицию. Поскольку люди начинают открывать, что реальностью их жизни является нахождение во многонациональном обществе, они сталкиваются с трудностями в противопоставлении своих взглядов со взглядами тех, кто думает, или ведет себя по-другому. С одной стороны общение с другими культурами в мультикультурном обществе может обогащать индивида, а с другой – приводить к стереотипам, дискриминации, предрассудкам или расизму. В мультикультурном обществе осуществляется процесс перехода от одной культуры (монокультурность) к другим (мультикультурность). Конфликты возникают, когда наше представление о мире переносится на мир других людей, когда ценности, термины, образ поведения одного этноса проецируются на другие этносы. Поскольку культура является внутренне динамичной, развивающейся, постоянно меняющейся, расширяющейся и приспособляющейся к новым обстоятельствам, то стать мультикультурным означает приобрести способность функционировать в мультикультурном мире. Мультикультурное развитие становится процессом формирования граждан посредством интернационализации разнообразного культурного и исторического опыта, которые формируют человеческую реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание.- М.: Просвещение, 1979

2. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов (под ред. А.П. Садохина).*- М.: Юнити-Дана, 2002
3. *Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации.*- М.: Гнозис, 2003
4. *фон Гумбольдт В. Язык и философия культуры.*- М.: Прогресс, 1985
5. *Сэпир Э. Коммуникация// Избранные труды по языкознанию и культурологии.*- М.: Издательская группа «Прогресс», 1993
6. *Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация (учебное пособие).*- М.: Слово, 2000

Вопрос В.Н.Рогожниковой: Согласны ли вы с утверждением, что сожительство в межкультурном обществе приводит к межкультурным конфликтам?

Ответ: Да, безусловно. Более того, сожительство в межкультурной среде может провоцировать расовую, национальную и религиозную дискриминации.

Вопрос: А.Г.Стратонникова: Происходит ли в межкультурной реальности, межкультурном взаимодействии потеря национальной идентификации, утрачивание своих национальных особенностей?

Ответ: Нет. Находясь в условиях межкультурного взаимодействия, межкультурной реальности, мы знакомимся с ранее неизвестными нам реалиями, приобретаем новые для нас понятия, добавляя их к уже имеющимся национальным, привычным для нас.

Вопрос А.П.Фомина: Ваше суждение «между миром и человеком стоит язык» истинно только, если под «человеком» подразумевать отдельного индивида, а не общество. Но если «человек» - это общество, человечество, род, то не точнее ли будут сказать: «Связующим звеном между миром и языком является человек»?

Ответ: Если человек – это общество, то это высказывание будет верным.

Вопрос А.П.Фомина: Язык – это объективная или субъективная реальность?

Ответ: Язык – это объективный конструкт, он относится к системе концептов, а не к материальной реальности. Язык – объективно идеальное понятие.

Рогожникова В.Н. Медиареальность: основные проблемы

В современной философии и социологии тема медиареальности – одна из самых актуальных. На эту тему пишется множество работ в России и за рубежом, ежегодно проходят конференции (например, школа Медиафилософии в Санкт-Петербурге). При этом, как полагает В. В. Савчук, специфика медиа в том, что они «не столько предмет познания, но сами есть условия познания, действия, мысли» [9;С.25]. В этом контексте философское познание медиареальности предполагает постановку «актуальной проблемы воздействия результатов высоких технологий, науки и техники, то есть медиального пространства, на человека» [9;С.38].

Понятие «медиа» в современных общественных науках рассматривается как неоднозначное, неопределенное [9;С.8]. Некоторые авторы вместо данного термина употребляют понятие «средство коммуникации» (М. Маклюэн), «проводник» (П. А. Сорокин), «медиальные средства» или «медиальность» (И. П. Смирнов). Интересно, что неопределенность понятия «медиа» некоторыми мыслителями связывается с сущностью этого явления. Мы будем придерживаться значения понятия «медиа» как «посредник».

Исследования по вопросу истории медиа показывают, что медиа является древнейшей формой взаимодействия человека и мира, самопознания человека. Ранними медиа можно назвать ритуал (**см. 10**) и книгу (**см. 1**). По Ж. Бодрийяру, само существование книги, как

и деятельность, сопутствующая ее появлению, есть определенный способ упорядочивания мира, его прочтения и кодирования. Эта деятельность носит рациональный характер, но в большой степени она связана и с воображением. Основные черты древней и средневековой «медийности» формулируются в терминах классической рациональности – это логоцентризм, наличие трансценденции, существование человека и мира в рамках оппозиции «подлинное – неподлинное».

Классическая картина мира с нач. 19 в. постепенно меняется в сторону того, что мы называем «современность» и «постсовременность». Сущность этой перемены обозначается в философии как переориентация философского внимания с познаваемого объекта на познающий субъект. Одним из «поворотов» к новому способу познания и самопознания выступает иконический, или пикториальный поворот (см.4), «при котором онтологическая проблематика переводится в план анализа визуальных образов» [9;С.31]. В центр практик миро- и самопонимания человека становится образ.

Естественно, образ как форма познания не является изобретением современности; не в последнюю очередь благодаря воображению возникла человеческая культура. Отличие современности заключается в том, что сегодня воображение работает с образами, получившими онтологическую самостоятельность. «Современный» образ перестал быть «мостиком» между человеком и миром, средством понимания и объяснения мира и человека.

Произошедшее хорошо иллюстрирует следующее рассуждение Ж. Бодрийяра. Если рассматривать структуру знака как единство обозначающего и обозначаемого, то, как отмечает французский философ, «можно выделить два типа смещения /этих элементов/. У ребенка, у ”примитивного” человека обозначающее может уничтожиться в пользу обозначенного... Напротив, в образе, направленном на самого себя, или в послании, выстроенном на коде, обозначающее становится своим собственным обозначенным, существует круговое смещение обоих в пользу обозначающего, уничтожение обозначенного и *тавтология обозначающего*» [1;С.161]. То есть образ ссылается на самого себя, а не на некую реальность, стоящую за ним. Примером такого образа-послания может быть фотоколлаж или рекламный ролик. Именно такого рода образы составляют медиареальность.

Техническая основа медиареальности – появление фотографии, новых средств обработки снимков, новых носителей информации, средств копирования. Возможность создания неограниченного количества копий, а также их редактирования, приводит к утрате понятия оригинала, к элиминации проблемы объективного отражения (изображения) реальности. Продуктом такого творчества является конструкт реальности, вернее, бесконечное множество таких конструктов.

С одной стороны являясь стимулом к развитию визуального творчества, с другой стороны медиареальность тесно связана с *обществом потребления*. Описывая исчезновение обозначаемого в пользу обозначающего, Ж. Бодрийяр отмечает, что именно этот процесс «характеризует потребление, систематический эффект потребления на уровне средств массовой информации» [1;С.161]. В этом смысле просмотр ТВ – кулинарное действо, в котором каждый образ (рекламный ролик, сюжет о катастрофе, сообщение о свадьбе знаменитости) есть «информационное» блюдо. Суть в том, что в массмедиа происходит унификация содержательно разных сюжетов на основе приравнивания этих образов к информации. Этот процесс осуществляется посредством операций в рамках бинарной кодировки «информация – неинформация» (см. 7). Наличие такой кодировки – условие любой системы прочтения мира.

«Медиум ТВ... несет идею (идеологию) мира, воспроизводимого на экране его милостью, разрезаемого его милостью и читаемого в образах. Он несет идеологию *всемогущества системы чтения в мире*, ставшем системой знаков» [1;С.161]. Медиа внедряют *единообразие* способа понимания мира и человека; вследствие этого мир и человек предстают как бесконечный и весьма насыщенный *вакуум информации*. Способ

подачи информации СМИ определяет наши действия, предпочтения, мнения, мысли – в соответствии с создаваемым медиа *конструктом человека*.

Тем не менее, по мнению Н. Лумана, не стоит упрекать медиа в сознательном искажении реальности – необходимо понимать, что в самих медиа вопрос так не стоит. Для медиа нет объективного и субъективного, подлинного и искаженного, истинного и ложного. Рекламный ролик не предполагает некоей до него существующей истинной реальности, о которой этот ролик будет рассказывать. «Реклама основывается на другом типе *верификации*... selffulfilling prophecy (то есть слово, которое реализуется посредством самого своего произношения)» [1;С.161], и в этом смысле реклама (вообще деятельность СМИ) близка к мифу, магии. Акт, «исполняющий» истинность рекламного ролика, есть акт *покупки*, и истинность рекламы есть истинность *мифа*.

Как и всякий миф, медиареальность не абсолютно фантазийна, она, пишет Н. Луман, структурно сопряжена с социальной реальностью: политике соответствуют новости, экономике – реклама, искусству – развлечения. Таким образом, медиа, с одной стороны, углубляют разрыв между миром и человеком, а с другой стороны, соединяют разъединенное – но, за отсутствием трансцендентного измерения жизни современного человека, не как *средство*, а как *среда*. В этом, насколько мы понимаем, и заключается основная проблема медиареальности – посредника, захватившего власть, определяющего координаты нашего познающего взгляда, цели и содержание наших действий и структуру мысли. Другой – и не менее важной – проблемой является финансовый и идеологический контроль за СМИ.

Медиареальность, или медиасреда, претендует на то, чтобы быть «реальной реальностью». Но в ситуации, когда само понятие реальности утратило привычный смысл, сменившись «эффектом присутствия» [5;С.118-119], нагнетание этого эффекта в массмедиа часто приводит к противоположному результату. Человек перестает чувствовать себя реальным. Может быть, поэтому сегодня так популярен экзистенциализм как философия и практика пограничных состояний, особого опыта, который может подарить нам экстремальное ощущение своего тела (например, каттеринг, экстремальный пирсинг, насилие или создание ситуаций, опасных для жизни).

Итак, медиареальность – сложный феномен, имеющий философские, социальные (в широком смысле слова), технические основания. В данной статье мы коснулись лишь самых общих вопросов, связанных с проблематикой медиареальности. Наиболее интересными из них мы считаем проблему философско-антропологических оснований медиареальности и проблему политического контроля (идеологизации) массмедиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М.: Культурная революция; Республика, 2006.
2. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1 (А-О): Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 2001.
3. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П-Я): Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 2001.
4. *Вульф К.* Homo pictor, или возникновение человека из воображения//Медиафилософия. Основные проблемы и понятия. Материалы международной научной конференции «Медиа как предмет философии».
5. *Корецкая М. А.* Эффект реальности и пустыня реального: медиа и кризис онтологии// Медиафилософия. Основные проблемы и понятия. Материалы международной научной конференции «Медиа как предмет философии».
6. *Куренной В.* Медиа: средства в поисках целей//Отечественные записки. №4, 2003.
7. *Луман Н.* Реальность массмедиа// Отечественные записки. №4, 2003.

8. *Нургалева Л. В.* Медиаконтекст знания и проблема моделирования реальности// Медиафилософия. Основные проблемы и понятия. Материалы международной научной конференции «Медиа как предмет философии».

9. *Савчук В. В.* Медиафилософия: формирование дисциплины// Медиафилософия. Основные проблемы и понятия. Материалы международной научной конференции «Медиа как предмет философии».

10. *Смирнов И. П.* Масс-медиа и философия// http://rhga.ru/science/science_research/seminar_russian_philosophy/stenogramms/smirnov.php

11. *Флюссер В.* За философию фотографии/Пер. с нем. Г. Хайдаровой. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008.

Вопрос С.О. Туманова: Почему в медиареальности не стоит вопрос об истине?

Ответ: Массмедиа - пленник собственной реальности. Здесь размыты границы объективной и субъективной реальности. Так как массмедиа не стремится отразить объективную реальность, для нее не существует вопрос истинности.

Вопрос А.Г.Стратонникова: Медиареальность развивается самостоятельно, или же она подчинена воле своих «владельцев» и становится инструментом искажения реальности в их руках?

Ответ: На мой взгляд, те, кто стоит за массмедиа, сами становятся ее функцией.

Доклад Н.С.Карелина Понятие культуры в культурологии (текст не представлен).

Вопрос В.Б.Ежеленко: Из выше сказанного следует, что культурология не наука, так как ее предмет не определен?

Ответ: Совершенно верно. Об этом говорит и факт существования на данный момент более 400 определений понятия «культура». Однако в перспективе возможность определения культурологи как науки существует.

Вопрос А.П.Фомина: М.С. Каган, признанный авторитет в культурологии, на которого Вы ссылаетесь, в своей концепции дает следующую иерархию духовных сфер человека: наука – философия – искусство. То есть высшей ступенью человеческого духа является искусство, художественное творчество. Вы с ним, судя по Вашему выступлению, согласны. Тогда такой вопрос: является ли обычный, «не творческий» человек, например, крестьянин, строитель, творцом культуры? Или творцом культуры является только узкий слой творческой интеллигенции? Ведь, согласитесь, «серый» человек за производственным конвейером, «винтик» этого конвейера – это тоже носитель общественных отношений и, следовательно, «творец» культуры.

Ответ: С точки зрения социологической школы культурологи является, поскольку обычный человек – это творец материальной культуры, он возделывает почву, создает новые сорта сельскохозяйственных культур и т.д. Главным признаком культуры является ее созидательность.

Вопрос А.П. Фомина: В таком случае, является ли культурной деятельность по созданию оружия массового поражения? Или это какая-то другая, «антикультурная», «некультурная» деятельность?

Ответ: ??????

Вопрос: А.П.Фомина: Как Вы прокомментируете следующее определение культуры: «Культура – это способ специфически человеческого, т.е. предметно-символического

взаимодействия общества и природы, в материальной и идеальной формах и продуктах которого раскрываются общечеловеческое значение и частно-групповые (этнические, социально-групповые) смыслы социально-исторического процесса» [Фомин А.П. Педагогическое сознание в условиях виртуализации социальной реальности. Автор на соискание уч. ст. д. филос. н. СПб., 2009. С. 23]

Ответ: Данное определение культуры не является абсолютно истинным; оно дано с точки зрения общественно-исторической школы культурологи.

Туманов С.О.. Включенность в виртуальную реальность

Тема моего доклада «Вовлеченность в виртуальную реальность». В своем выступлении я сознательно делаю ряд допущений, о которых будет сказано позже.

Для начала хотелось бы определить некий терминологический базис. Виртуальная реальность - категория философского знания, отражающая порожденную систему отношений между различными объектами. Виртуальная реальность имеет описательную и содержательную составляющие (пространственно-временные и энерго-информационные характеристики соответственно).

Критерий порожденности является одним из основных критериев виртуальной реальности. Именно это качество дает право на жизнь понятию виртуальная реальность, т.к. подразумевает существование некой объективной или объективных реальностей (не виртуальных).

Существуют различные подходы к пониманию феномена виртуальной реальности. Один из них рассматривает Виртуальную реальность с точки зрения конкретного индивидуума. Такой подход можно назвать индивидуальной виртуальной реальностью. С этих позиций можно говорить о психических реальностях, а также семиосфере личности как индивидуализированном знаковом пространстве. Психическая реальность является рефлексией сознания субъекта познания объективной реальности. Субъект познания в этой формуле является обязательным компонентом, т.к. только явление, способное быть осмысленным (т.е. привнести субъективную значимость) может претендовать на звание Реальности.

Другой подход, более привычный для нас, рассматривает виртуальную реальность как культурное поле. Можно провести аналогию и сказать, что виртуальная реальность присутствует везде, где сознание выполняет функции рефлексии "объективной реальности" или "объективного знания". Там где сознание индивидуальное и виртуальная реальность индивидуальная, там же где сознание коллективное - виртуальная реальность коллективная.

Говоря об "объективной реальности" и "объективном знании", я лишь подразумеваю их гипотетическую возможность. Наглядным примером трансформации виртуальной реальности является художественная литература. Из индивидуальных фантазий, замыслов, воспоминаний автора она преобразуется в целостное сюжетное действие, доступное для осознания другими людьми.

Критерий порожденности также выделяется, в ряду другим, таким теоретиком этой области знания как Носов Н.А. Всего же он отмечает четыре критерия виртуальной реальности:

порожденность (виртуальная реальность продуцируется активностью какой-либо другой реальности, внешней по отношению к ней; психологические виртуальные реальности порождаются психикой человека);

актуальность (виртуальная реальность существует актуально, только "здесь и теперь", только пока активна порождающая реальность);

автономность (в виртуальной реальности свое время, свое пространство и свои законы существования);

интерактивность (виртуальная реальность может взаимодействовать со всеми другими реальностями, в том числе и с порождающей, как онтологически независимая от них)

В своей статье я сознательно сужаю рамки Виртуальной реальности опосредованностью информационными технологиями. На то есть несколько причин.

Во-первых, информационные технологии, и в частности Интернет, являются безусловным этапом бестелесности, с которой чаще всего и связывают современное понимание понятия "виртуальная реальность".

Во-вторых, я предполагаю что вопросы виртуальной реальности носят наибольшую практическую значимость именно в аспекте информационных технологий.

Ну и наконец, в-третьих, пространство Интернет, на мой взгляд, наиболее полно интегрирует в себе все заявленные в названии конференции категории "Сознание. Социум. Язык".

Даже если рассматривать Интернет как отдельную информационную систему, можно увидеть, что она весьма динамична в своем развитии. Я предлагаю реперно рассмотреть онтологию развития сети Интернет, или корректнее сказать Всемирной Паутины.

Рождение web связано с таким именем как Тим Бернс Ли. В начале 90-х годов он реализовал язык гипертекстовой разметки HTML. Это и стало началом Интернет в том виде, который мы знаем сейчас. На своём веку webпережил как минимум одну революцию. Она связана с таким понятием как web 2.0 или социальныйweb. Технологии, связанные с этой фазой развития Интернета, кардинально изменили философию киберпространства. Пользователь теперь становится не просто пассивным получателем информации, а как минимум ретранслятором. В этот период виртуальное Я человека полупило социальное окружение. Ярчайшим примером можно назвать такой сервис как wikipedia - технологию коллективного формирования знаний.

Некоторые эксперты, с недавних пор, выделяют следующий этап развития Интернета - web 3.0. Существует два подхода к пониманию этого периода. В первом новый этап рассматривается как эпоха семантическогоweb. Т.е. Интернет понимается как самоорганизующаяся система высокого уровня, способная различать смысловую составляющую семиотических кодов. Во втором подходе сегодняшний период относят к стадии персонализированного интернета. Основная суть этого периода - смещение акцента с социальной группы на личность, уход от анонимности, интеграция реальной и виртуальной жизни.

Подобные тенденции мы можем отметить и на примере иных информационных технологий. Так 50 лет назад вычислительные станции были размером с дом, 30 лет назад они же были персональными компьютерами, 15 лет назад мобильными персональными станциями, а сегодня достигли размеров кармана.

Неудивительно, что тенденции персонализации вызвали появление ряда психологических феноменов, таких как, например, вовлеченность в виртуальную реальность. Напомню, виртуальная реальность здесь употребляется в достаточно широком значении, как некое смысловое поле, возникающее при взаимодействии человека и информационных систем или технологий.

Среди психологических исследований киберпространства как виртуальной реальности хотелось бы отметить работы Манерова В.Х., Королевой Н.Н., Кузнецовой Ю.М. и Чудовой Н.В.

Под вовлеченностью я понимаю системное качество, характеризующее психическое состояние человека, отражающее меру отождествления себя с тем или иным процессом (в том числе взаимодействие с какой-либо средой), вживания в него. Это состояние связано, в своем крайнем высшем значении, с такими проявлениями как: повышенная концентрация, искаженное чувство времени, ауто телическая направленность деятельности, повышенный

эмоциональный фон, потеря чувства самоосознания, высокая мотивация, желание или влечение взаимодействовать с той или иной средой, проявлять активность в деятельности.

До сих пор при исследовании психологических аспектов киберпространства доминирует патологический подход (основными объектами исследований на сегодняшний день являются интернет-зависимость и субкультуры хакеров, геймеров). На мой взгляд, именно конструкт вовлеченности способен описать взаимодействие человека с различными информационными системами или в рамках оных, учитывая амбивалентность проявлений этих взаимодействий.

Наиболее актуальными в ближайшее время, мне кажется изучение психологических характеристик субъектов вовлеченности, а также детерминант самого явления, рассмотрение возможности дифференциации этого явления; изучение проблемы прогнозируемости и возможности искусственного достижения этого состояния.

Хотелось бы отметить повышение как индивидуальной вовлеченности, так и общей социальной вовлеченности в киберпространство. Нельзя не отметить социальную опасность, которую несет данная тенденция в купе с тотальной неграмотностью распространения и использования персональной информации.

Одна из наиболее актуальных проблем виртуальной реальности заключается в том, что она, не смотря на старания таких замечательных ученых как Носов Н.А., до сих пор требует философской рефлексии для создания методологии ее использования в практических исследованиях, в том числе и психологических аспектов.

Вопрос А.П.Фомина: Как Вы относитесь к деятельности Лаборатории виртуалистики? В частности, в одном из программных статей ее создателя Н.А. Носова было заявлено цель создания виртуальной философии, виртуальной психологии, виртуальной религии и т.д. как неких суррогатов, удовлетворяющих «объективную» потребность потребителя в мистике. Как Вы относитесь к подобному заявлению?

Ответ: В своих исследованиях по многим вопросам я обращаюсь к работам представителей лаборатории виртуалистики, разделяю во многом их точки зрения. И считаю деятельность Лаборатории очень продуктивной и актуальной.

Вопрос В.Б.Ежеленко: Феномен виртуальной реальности существовал до появления самого термина «виртуальная реальность» в её современной электронной, компьютерной трактовке, или же это понятие было введено, когда возникла обозначаемая им реальность?

Ответ: Виртуальная реальность – продукт рефлексии. Она появилась и существовала раньше в других формах, например художественный текст - это тоже своеобразная виртуальная реальность.

Вопрос Н.С.Карелина: Первообытный человек жил в виртуальной реальности?

Ответ: Это зависит от того, как определять виртуальную реальность.

Вопрос А.П.Фомина: Оппозиция, введенная еще Фомой Аквинским «виртуальное – актуальное», из которой следует, что виртуальное – это потенциально возможное, но не действительное, кажется Вам корректной сегодня?

Ответ: Да, на мой взгляд это корректная оппозиция, отражающая суть явления.

Стратонников А.Г. Об объективности нашего знания о природе и об объективности науки (К вопросу о понятии физической реальности)

На протяжении практически всей истории науки – точнее, после того, как была сформулирована идея наблюдения как важнейшего этапа процесса получения объективного знания о природе – идеалом взаимоотношений познающего субъекта и объекта наблюдения был «наблюдатель-невидимка», по возможности не вмешивающийся в исследуемый процесс.

Однако в 20 веке, после создания квантовой физики, пришло осознание неустранимости воздействия исследователя на изучаемый объект. Н.Бор выдвинул т.н. копенгагенскую интерпретацию, предположив, что сам процесс наблюдения, а именно процесс измерения изменяет состояние изучаемой системы. Особенно отчётливо это выявилось при осмыслении так называемых соотношений неопределённостей (СН) – именно трактовка этих соотношений стала основным мотивом в формировании упомянутой концепции.

Суть соотношений неопределённостей состоит в утверждении о невозможности одновременного сколь угодно точного определения двух «связанных» величин – значения координаты и проекции импульса на эту координатную ось, или двух проекций спина (или собственного момента импульса частицы), или энергии и длительности промежутка времени, в который энергия определена. Произведение неопределённостей таких «связанных» величин не может быть меньше некоторого значения, примерно равного величине постоянной Планка. [1;С.3]

Такое утверждение в корне противоречило всей логике науки и вызвало бурную дискуссию во всём научном мире. Копенгагенская интерпретация позволяла смягчить выявившееся противоречие за счёт неустранимости воздействия на исследуемый объект в процессе любого измерения.

Однако А.Эйнштейн, создатель Специальной теории относительности, выразил категорическое несогласие даже с таким, смягчённым толкованием СН. Суть возражений Эйнштейна может быть сформулирована в виде «парадокса ЭПР», в котором было выявлено принципиальное противоречие между постулатами СТО и положениями квантовой механики, включая соотношения неопределённостей.

В 1935 году была опубликована статья А.Эйнштейна и двух его молодых сотрудников Бориса Подольского и Натана Розена, в которой предлагалась идея эксперимента – а точнее – был описан некоторый мысленный эксперимент, позволяющий сделать выбор между выводами СТО и сформулированными Гейзенбергом соотношениями неопределённостей. (см., напр., [2])

Вкратце суть этого мысленного эксперимента такова.

Представим, что в каком-то процессе вместо какой-то частицы – например, вместо фотона – родились две частицы – частица и античастица (например, электрон и позитрон). По закону сохранения импульса сумма проекций их импульсов на некоторую ось должна быть равна проекции импульса исходной частицы на эту ось.

В частности, если выбрать эту ось перпендикулярной направлению движения исходной частицы, то проекции импульсов вторичных частиц должны быть равны по модулю и противоположными по знаку. Если мы точно измерим проекцию импульса одной частицы – мы, не проводя дополнительных измерений, будем знать точное значение проекции импульса второй частицы.

Но, с точки зрения квантовой механики – исходя из соотношений неопределённостей – невозможно одновременно определить и координату, и проекцию импульса на эту же координатную ось для каждой частицы с произвольной точностью..

Предположение Эйнштейна, Подольского и Розена состояло в том, что если позволить этим частицам удалиться достаточно далеко друг от друга, и одновременно, за очень короткое время измерить координату одной частицы и проекцию импульса второй частицы – то мы будем знать и координату, и проекцию импульса первой частицы! «Очень короткое время» означает промежуток времени, меньший времени, необходимого для передачи сигнала от частицы к частице даже со скоростью света..

То есть мы получили противоречие: или соотношения неопределённостей, или утверждение о невозможности передачи информации быстрее, чем со скоростью света – но что-то из них оказывается неверным.

Этот вывод получил название парадокса ЭПР, и, конечно, в 1935 году не мог быть проверен, так как для этого была нужна невероятно быстродействующая измерительная аппаратура.

Сходный по замыслу эксперимент был осуществлен лишь в 1982 году Аланом Аспеком (A.Aspect). Этот эксперимент показал, что соотношения неопределённостей выполняются даже тогда, когда это противоречит постулатам СТО. Тем самым выяснилось, что выполнение СН никак не связано с процедурой измерения, в противовес копенгагенской концепции. Соотношения неопределённостей – это фундаментальное свойство нашего материального мира.

В сущности, это было признано ещё раньше.

Например, гипотеза о квантовом испарении «чёрных дыр» основывалась именно на признании онтологичности СН, о том, что соотношения неопределённостей – это свойство материи, а не следствие каких-то особенностей процедуры измерения.

Но теперь, после эксперимента Аспека, затем инсбрукского эксперимента, и далее – целой серии опытов появилось не просто предположение, а отчётливое понимание того, что СН – это фундаментальный закон природы.

Другими словами, при любом способе получения информации о достаточно точном значении одной величины – даже в случае «отсроченной» проверки – увеличивается неопределённость в значении второй величины, связанной с первой величиной в рамках соотношений неопределённостей.

В некоторых случаях эта взаимосвязь казалась просто мистической.

Один из выходов из сложившейся ситуации предложил в 1958 году Хью Эверетт: Согласно его концепции [4], одновременно существует множество вариантов действительности, и в момент измерения, в момент определения конкретных значений физических величин мы попадаем в соответствующий вариант реальности. Этот выход получил название эвереттовской многомировой концепции. Мы не будем останавливаться на подробном анализе этой концепции, хотя она вполне признана в научном мире в качестве одной из альтернативных моделей природы.

Обсудим подробнее те выводы, которые следуют из предположения о возможности сверхсветовой скорости передачи информации. Ведь именно это предположение представляется всё более обоснованным.

В рамках СТО несложно доказать, что если возможна передача информации быстрее, чем со скоростью света, то становится возможной передача информации о состоянии объекта в его прошлое. Это рассуждение достаточно простое, на него регулярно ссылаются многие авторы. Отметим лишь, что для реализации такого «канала связи» необходимо наличие, по крайней мере, двух систем, движущихся относительно друг друга с достаточно большой скоростью. Обычно рассмотрение этого эффекта заканчивают указанием на возникновение в таком случае причинно-следственных противоречий.

Однако, если вспомнить теорию систем передачи информации, то и там можно найти аналогичные ситуации – так называемые цепи обратной связи. Системы, охваченные такими связями, либо начинают возбуждаться, раскачиваться (мы все слышали звук, возникающий при близком расположении микрофона перед громкоговорителем), или, наоборот, становятся более устойчивыми. В первом случае, как правило, проявляется действие положительной обратной связи, а во втором – действие отрицательной обратной связи. При этом система сама быстро приходит в такое состояние, когда входной сигнал и выходной сигнал согласованы, и подчас бывает даже трудно определить, где причина, а где следствие того или иного события, ведь пока нет такой ОС, причина опережает следствие по времени. А в установившемся режиме время, за которое система переходит в новое состояние, должно быть меньше характерного времени внешнего воздействия, и

наблюдателю будет казаться, что система мгновенно перешла в новое состояние – или что система всегда находилась в нём.

В случае же сверхсветовой, т.е. «вневременной» обратной связи не имеет смысла обсуждать какие-либо временные интервалы, и тогда тем более будет возникать иллюзия, что система «всегда» находилась в том или ином состоянии. Процесса же передачи сигнала, передачи информации и изменения состояния системы мы не сможем зафиксировать. И при этом мы постоянно будем уверены в том, что прошлое и настоящее согласованы. Прошлое именно таково, чтобы обеспечить наличествующее состояние настоящего.

Может быть, в этом причина выполнения антропного принципа?

То есть в этом состоит «причина» того, что Вселенная именно такова, что в ней есть место для человека - человека разумного? Объяснение именно такого устройства Вселенной состоит в наличии человека в ней на данный момент, а другого варианта мы не могли бы наблюдать? Этот вариант антропного принципа («слабый», или малый антропный принцип) перекликается с многомировой концепцией Эверетта, но не тождественен ему.

Так или иначе, но идеал такого наблюдения природных процессов, при котором наблюдатель никак не воздействует на эти процессы, и эти процессы происходят независимо от наших знаний о них (и даже от наших мыслей?), оказывается принципиально неосуществимым. Наше сознание, информация об окружающем мире, имеющаяся в нашем сознании, становятся таким же элементом объективной реальности, как и другие объекты, окружающие нас. Но и сама объективная реальность оказывается зависящей от нашего сознания, безотносительно к тому способ, каким образом получено наше знание о ней.

Таким образом, мы должны сделать вывод о том, что привычное определение объективной реальности как того, что существует независимо от нашего сознания и что первично по отношению к сознанию, претерпевает изменение. По нашему мнению, смысл этого изменения не в том, что объективная реальность перестаёт существовать, а в том, что само наше сознание становится существенным элементом объективной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Давыдов А.С.* Квантовая механика, 2-ое изд., — М.: Наука, 1973.
2. *Дэвис П.* Суперсила М. 1989
3. *Ландау, Л. Д., Лифшиц, Е. М.* Квантовая механика (нерелятивистская теория). — Издание 4-е. — М.: Наука, 1989. — («Теоретическая физика», том III).
4. «Письмо Х.Эверетта Б.Де-Витту от 31 мая 1957 г.» в сб. «Многоликое мироздание. Эвереттская аксиоматика», М., 2009 г., стр. 217 – 221,

Вопрос Н.С.Карелина: Возможно ли использование слова «энергия» в других науках, например в истории?

Ответ: Использование физического понятия «энергия» за пределами физики не корректно. Таким видам энергии, как психологическая, духовная энергия и др., нельзя приписывать те свойства, которыми обладает «энергия» как физическое явление. С точки зрения физики они не являются энергией.

Комментарий С.Г.Филипповой: С лингвистической точки зрения, слово «энергия» - это просто форма слова, в которое можно вкладывать разные понятия, и в зависимости от них, меняется и семантическая структура данного концепта.

Вопрос А.П.Фомина: Мы, таким образом, уходим в чисто конвенциональную область номинальных определений, где вообще нет истины и все относительно. Между тем

проблема остается: корректно ли применение понятия «энергия» в ее физическом смысле и значении для анализа гуманитарной сферы?

Ответ: Не корректно. Смысл и значение физического понятия «энергия» установился в науке и имеет не только конвенциональный характер, но и объективное содержание. Это – научное понятие. Между тем понятия «психическая энергия», «духовная энергия» - не научные.

Дискуссия по проблеме соотношения субъективной и объективной реальностей продолжалась и после окончания семинара.

УЧАСТНИКИ СЕМИНАРА

БОЛОТИНА Юлия Петровна – к.филол.н., доцент кафедры иностранных языков Волховского филиала РГПУ им.А.И.Герцена

ЕЖЕЛЕНКО Вячеслав Борисович – профессор, д.п.н., профессор кафедры педагогики РГПУ им.А.И.Герцена и кафедры гуманитарных дисциплин Волховского филиала РГПУ им.А.И.Герцена

КАРЕЛИН Николай Степанович – ст. преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Волховского филиала РГПУ им.А.И.Герцена

РОГОЖНИКОВА Варвара Николаевна – к.филос.н., доцент философского факультета МГУ им.М.В.Ломоносова

СТРАТОННИКОВ Александр Григорьевич – соискатель РГПУ им.А.И.Герцена, Соросовский учитель физики 1994 года

ТУМАНОВ Сергей Олегович – аспирант кафедры психологии человека ППФ РГПУ им.А.И.Герцена.

ФИЛИППОВА Светлана Геннадьевна – доцент, к.фил.н., зав. кафедрой иностранных языков Волховского филиала РГПУ им.А.И.Герцена

ФОМИН Андрей Петрович – доцент, д.филос.н., зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Волховского филиала РГПУ им.А.И.Герцена.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ

30 марта 2011 года
состоится третье заседание
междисциплинарного научно-теоретического семинара
СОЦИУМ. СОЗНАНИЕ. ЯЗЫК

на тему:

ТЕКСТ И КОНТЕКСТ

Ждем ваши заявки. За информацией можно обратиться на кафедры:
гуманитарных дисциплин – тел.79-017, сайт: <http://www.fortuna2005.ucoz.ru>
иностранных языков – тел. 79-010, сайт: <http://www.lingua2010.ucoz.ru>